

КОЛИН
ГУВЕР

СОЖАЛЕЮ

О

ТЕНЕ

18+

#1 New York Times bestselling author

Колин Гувер
Сожалею о тебе

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Гувер К.

Сожалею о тебе / К. Гувер — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-110072-8

Книги от самого популярного и модного автора женской прозы в мире. Колин Гувер сейчас на таком уровне популярности, на каком в свое время были Стефани Майер и Э Л Джеймс. В 2022 году во всем мире продано более 3 000 000 копий книг автора. Романы Колин Гувер – хиты Amazon и New York Times, более полугода в ТОП-10! Книги Колин Гувер обходят в рейтингах Стивена Кинга и Джорджа Мартина! Их особенность – «стекло». Автор буквально разбивает сердца читателей вдребезги, а к финалу собирает вновь. Колин Гувер пишет о проблемах в отношениях, с которыми сталкиваются все. Морган Грант и ее шестнадцатилетняя дочь Клара больше всего на свете хотели бы, чтобы в их доме царили любовь и взаимопонимание. Достичь этого можно, если Морган наконец отпустит дочь от себя, перестанет контролировать и даст ей дышать полной грудью. Им все тяжелее находиться рядом, но Крис, отец Клары, помогает им в решении конфликтов. Пока однажды он не попадает в страшную аварию, которая переворачивает их мир с ног на голову. Сможет ли общее горе склеить их семью? Долгожданный роман от суперзвезды романтической прозы! Колин Гувер, автор международных бестселлеров, которую часто сравнивают с Анной Тодд и Джессикой Арментроут, возвращается, чтобы подарить своим поклонникам душераздирающий роман о том, как шестнадцатилетняя героиня и ее мама переживают трагедию — несчастный случай с главой их семейства. Невероятная по силе книга, которая, возможно, напомнит вам ранние романы Николаса Спаркса, например, «Последнюю песню». Утешительное чтение, так необходимое в наше время.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-110072-8

© Гувер К., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	25
Глава четвертая	37
Глава пятая	45
Глава шестая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Колин Гувер Сожалею о тебе

Colleen Hoover
REGRETTING YOU

Copyright © 2019 by Colleen Hoover

Перевод с английского Ольги Бурдовой

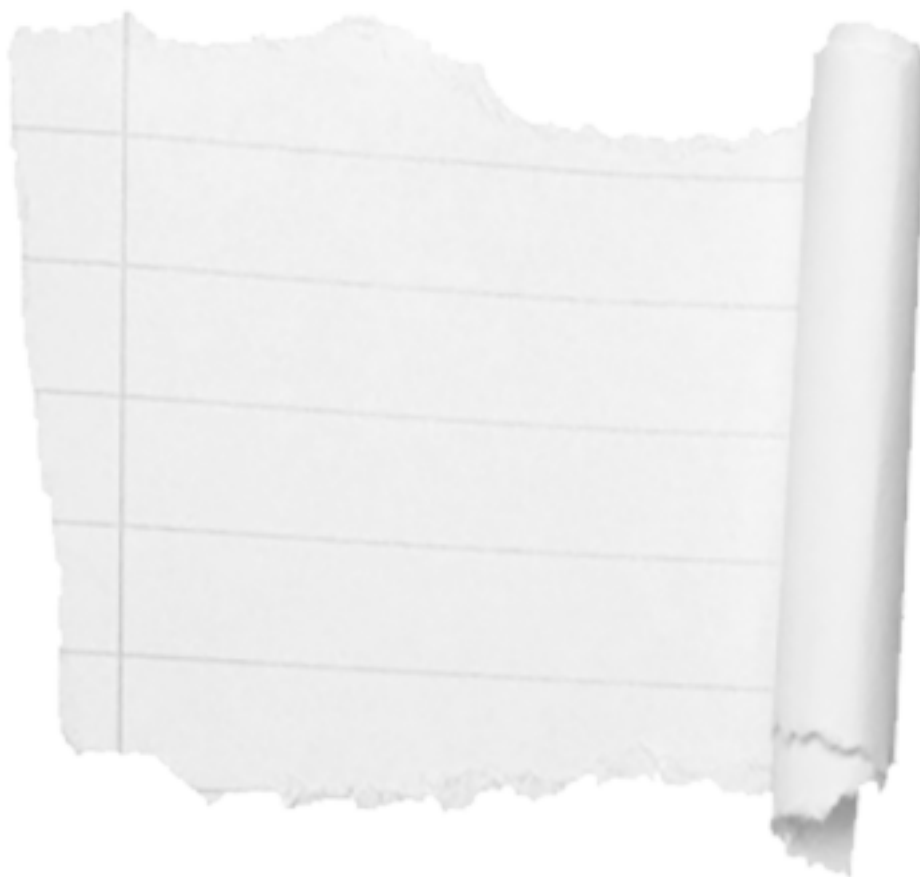
Художественное оформление Алексея Гаретова

© Бурдова О., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Бумага – главный символ этой книги.

Человеческая жизнь хрупка – словно бумага.
Но в то же время она символизирует начало,
светлое будущее и шанс начать все с чистого листа.

*Эта книга посвящается
гениальной и поразительной
Скарлетт Рейнольдс.
С нетерпением жду,
когда мир ощутит
твою силу.*

Глава первая

Морган

Не перестаю размышлять: неужели люди – единственные существа на Земле, способные страдать из-за внутренней пустоты?

Как, ну вот как, имея кости и мышцы, а еще кровь и органы, я могу чувствовать такую зияющую бездну в груди? словно там бесконечная пещера, где любой крик будет отдаваться эхом.

Уже несколько недель это ощущение преследует меня. Поначалу я надеялась, что оно само исчезнет, но теперь начинаю переживать о возможных причинах моего состояния.

Бойфренд явно к ним не относится. Он замечательный, не зря мы встречаемся почти два года. Не считая периодических приступов подросткового максимализма (вызванных в основном алкоголем), Крис – мечта любой девушки. Забавный, привлекательный, любящий родителей и целеустремленный.

Дженни – моя младшая сестренка и лучшая подруга – тоже отпадает. Она приносит мне только радость, несмотря на то что мы абсолютно непохожи. Дженни – общительная, импульсивная, шумная, а ее манере смеяться я искренне завидую. Я гораздо сдержаннее, и мой смех обычно выходит натянутым.

Мы шутим, что если бы не были родственниками, то стали бы соперницами. Дженни наверняка считала бы меня скучной, я же ее – раздражающей. Но мы сестры, да еще и погодки, и все наши различия не важны. Само собой, ссоры случаются, но мы всегда быстро миримся. И чем старше становимся, тем меньше ругаемся и тем больше времени проводим вместе. Особенно теперь, когда Дженни начала встречаться с лучшим другом Криса, Джонасом. С прошлого месяца, когда парни закончили школу, мы вчетвером проводим вместе почти все свободное время.

Причиной моего странного настроения могла бы быть мама, однако ее отсутствие давно стало привычным. Вообще, сейчас я намного спокойнее отношусь к тому, что в отношении родителей мы с сестрой вытянули короткую соломинку. Пять лет назад, после смерти отца, мы практически остались сами по себе, и воспитанием Дженни занималась по большей части я. Сейчас это уже не так злит. И чем старше я становлюсь, тем меньше меня беспокоит нежелание матери участвовать в нашей жизни, назначать час отбоя или... заботиться о нас. Честно признаюсь, что даже получаю от этого удовольствие, ведь семнадцатилетним нечасто достается подобная свобода.

В итоге, со мной за последнее время не произошло ничего такого, что могло бы объяснить щемящую пустоту в душе. *Или произошло, да только я слишком напуганна, чтобы признаться в этом?*

– Можешь себе представить? – произносит Дженни с переднего пассажирского сиденья. Джонас ведет машину, а мы с Крисом устроились на заднем сиденье. В очередном приступе самокопания я уставилась в окно, но, отложив размышления на потом, поворачиваюсь к сестре.

Она нетерпеливо переводит взгляд с меня на Криса и обратно. Выглядит Дженни просто сногсшибательно: позаимствованное у меня длинное черное платье и легкий макияж творят чудеса. Разница между пятнадцатилетней Дженни и ею же шестнадцатилетней просто невероятная. – Хэнк сказал, что может подогнать нам сегодня травку.

Крис поднимает руку и одобрительно хлопает Дженни по ладони. Я же не уверена, что в восторге от ее идеи. Я сама не без греха, что неудивительно, при отсутствии-то внимания со стороны матери. Но Дженни – другое дело. Ей всего шестнадцать, и она сделает что угодно, лишь бы не выделяться из толпы на вечеринке. Отчасти поэтому я и решила не употреблять: почувствовала, что несую ответственность за младшую сестру, раз мама нас никак не контролирует.

Иногда приходится приглядывать и за Крисом. Единственный человек в машине, с кем не нужно нянчиться, это Джонас. И это не потому, что он никогда не пьет и не курит, просто даже под действием веществ Джонас умеет оставаться собранным. И вообще, друг Криса – самый выдержанный человек из всех, кого я встречала. Он спокоен, когда выпьет. Спокоен, когда находится под кайфом. Даже когда счастлив, он спокоен. Но по-настоящему невозмутимым он становится, когда разозлится.

Они с моим дружат с самого детства и чем-то напоминают нас с сестрой, только наоборот: Крис и Дженни становятся душой любой вечеринки, мы же с Джонасом скорее незаметные напарники.

И меня это вполне устраивает. Уж лучше я постою, подпирая стену, и понаблюдаю за людьми, чем окажусь той, кто танцует на столе под взглядами толпы.

– Далеко еще? – интересуется Джонас.

– Еще пять миль, – отвечает Крис, – уже рядом.

– Может, отсюда и недалеко, однако до дома путь приличный. Кто поведет обратно? – задает бойфренд Дженни очередной вопрос.

– Не я! – одновременно восклицают сестра и Крис.

Джонас бросает на меня взгляд в зеркало заднего вида. Несколько секунд мы смотрим друг на друга, затем я киваю. Он отвечает тем же. Не говоря ни слова, мы решаем оставаться трезвыми.

Не представляю, как это выходит – общаться, не произнося ни звука, – но мы всегда понимаем друг друга. Может, все потому, что мы во многом схожи и мыслим зачастую одинаково. Дженни и Крис ничего не замечают. Они просто не задумываются, что говорят: слова вылетают по делу и без дела.

Крис берет меня за руку, чтобы привлечь внимание. Когда я поворачиваюсь, он целует меня и шепчет:

– Чудесно выглядишь сегодня.

– Спасибо. Ты и сам ничего, – улыбаюсь я в ответ.

– Хочешь переночевать у меня?

Несколько мгновений я размышляю, но Дженни принимает решение за меня:

– Она не может меня бросить. Я несовершеннолетняя и собираюсь в следующие четыре часа употребить немалое количество алкоголя, а может, даже и кое-чего еще. Кто проследит, чтобы я не захлебнулась, опорожня утром желудок, если она останется у тебя?

Крис лишь пожимает плечами:

– Джонас?

– У него строгие родители, ожидающие сына домой к полуночи, ты же знаешь. – Сестра заливается смехом.

– Он недавно окончил школу, – продолжает Крис обсуждение друга, будто тот не сидит рядом и не слышит каждое слово. – Пора уже повзрослеть и хоть раз не явиться домой вовремя.

Тем временем Джонас сворачивает на заправку.

– Кому-нибудь что-нибудь нужно? – спрашивает он, игнорируя предшествующий диалог.
– Ага, пойду пива попробую купить, – отзывается Крис, отстегивая ремень безопасности.
– Ты не тянешь на совершеннолетнего. Тебе в жизни не продадут алкоголь. – Его бравада заставляет меня рассмеяться.

Крис ухмыляется, воспринимая мою реакцию как вызов. Он направляется внутрь, пока Джонас возится со шлангом у колонки. Я тянусь к приборной панели и хватаю арбузные леденцы, которые вечно там валяются. Потрясающий вкус! Не понимаю, как можно их не любить. Ну и пусть, ему же хуже.

Дженни тоже отстегивает ремень и перелезает на заднее сиденье. Затем поворачивается ко мне лицом, поджимая ноги под себя. В глазах у сестры так и мелькают лукавые огоньки, когда она заявляет:

– Я собираюсь заняться сексом с Джонасом сегодня.

Впервые за долгое время пустота внутри меня заполняется, однако легче от этого не становится. Я словно захлебываюсь грязной водой. Либо даже грязью.

– Тебе только недавно исполнилось шестнадцать!

– Ты сама в этом возрасте впервые переспала с Крисом.

– Да, но только мы-то встречались тогда дольше пары месяцев. Кроме того, я до сих пор об этом жалею. Было чертовски больно, длилось все пару минут от силы, а от него несло текилой. – Я ненадолго замолкаю, но затем добавляю, чтобы не преуменьшать достоинства своего парня: – Сейчас все гораздо лучше.

Сестра смеется, но затем облокачивается на спинку сиденья и вздыхает:

– Лучше бы похвалила, что я два месяца продержалась.

Мне тоже хочется улыбнуться и сказать, что два месяца – не срок. Я бы предпочла, чтобы она подождала хотя бы год. Или лет пять.

Даже не знаю, почему я так возражаю. Дженни права, я сама была младше, когда приняла подобное решение. По крайней мере, пусть она потеряет девственность с хорошим парнем. Джонас никогда на нее не давил. Вообще-то, он общался с сестрой целый год, но не предпринимал попыток сблизиться, пока ей не исполнилось шестнадцать. Саму Дженни это страшно бесило, но у меня вызывало уважение.

Я вздыхаю:

– Первый раз не повторить, сестренка. Я просто не хочу, чтобы этот момент произошел в пьяном угаре и в чьей-то чужой постели.

Она качает головой из стороны в сторону, будто и вправду размышляя о том, что я сказала.

– Тогда нужно заняться этим в машине.

Я улыбаюсь, потому что сестра высмеивает меня. Именно так я и потеряла девственность. На заднем сиденье «Ауди», принадлежащей отцу Криса. Было ужасно неудобно, стыдно и совершенно не так, как рассказывают. Несмотря на то что со временем у нас стало получаться гораздо лучше, я мечтаю вспоминать свой первый раз и не содрогаться при этом.

Мне не хочется даже думать об этом. Или говорить. Именно в этом заключается сложность дружбы с сестрой: я должна радоваться за нее, гореть желанием обсудить все детали. Однако в то же время я стремлюсь оградить ее от совершенных мной ошибок. Я хочу для нее всего самого лучшего.

Я пристально смотрю на Дженни, стараясь не казаться чрезмерно опекающей мамашей.

– Если ты решительно на это настроена, по крайней мере не напивайся.

Дженни закатывает глаза, услышав мой совет, и перебирается обратно на переднее сиденье. Джонас как раз открывает автомобиль со своей стороны. Крис тоже вернулся. Без пива. Он со всей силы хлопает дверью и складывает руки на груди.

– Ненавижу свое лицо! Как у ребенка!

– А мне нравится, – смеюсь я и провожу пальцами по его щеке, привлекая внимание.

Крис слабо улыбается в ответ. Он наклоняется, чтобы поцеловать меня, но сразу же отстраняется. Затем стучит по креслу друга.

– Попробуй ты. – Крис достает деньги из кармана, протягивает руку и кладет купюры на приборную панель.

– На вечеринке разве не будет алкоголя? – интересуется Джонас.

– Это самая большая вечеринка года. Весь выпускной класс там соберется. И никому из нас еще нельзя покупать спиртное. Потребуется любое возможное подкрепление.

Джонас неохотно берет наличные и выбирается из машины. Крис снова меня целует, на этот раз с языком. Хотя довольно скоро отстраняется и спрашивает:

– Что это у тебя во рту?

Я разгрызаю леденец.

– Конфета.

– Может, поделишься? – произносит Крис, накрывая мои губы своими.

Дженни с отвращением стонет:

– Хватит. Не могу слушать, как вы двое чавкаете.

Мой парень откидывается на сиденье, ухмыляясь и жуя половину конфеты, затем пристегивает ремень безопасности.

– Прошло уже шесть недель с выпускного вечера. Кто устраивает праздник через шесть недель? Я, конечно, не жалею, но к этому моменту мы уже должны были устать от веселья.

– Прошло не шесть недель, а только четыре, – поправляю я его.

– Нет, шесть, – настаивает Крис. – Сейчас одиннадцатое июля.

Шесть?

Я пытаюсь держать себя в руках и не показывать, какое впечатление произвели его слова, но каждый мускул в теле напрягается.

Не могло пройти уже шесть недель. *Так ведь?*

Если это правда... Значит, у меня уже двенадцатидневная задержка.

Черт! Черт, черт, черт.

В этот момент мы с Крисом оборачиваемся на звук открывающегося багажника. Джонас с грохотом захлопывает его и идет к водительскому месту. Пока он забирается в машину, самодовольная улыбка не сходит с его лица.

– Вот убудок! – бормочет Крис, недоверчиво качая головой. – Она даже удостоверение не проверила?

Джонас вырывается на дорогу.

– Все дело в уверенности, друг мой.

Я наблюдаю, как он наклоняется и берет Дженни за руку.

Затем отворачиваюсь и невидящим взглядом смотрю в окно. Желудок сводит, ладони потеют, сердце бьется как сумасшедшее, пока я молча загибаю пальцы, отсчитывая дни с последних месячных. Я об этом не задумывалась. Точно знаю, что последний раз они были на выпускной, так как Крис расстроился из-за отсутствия секса. Я ждала их со дня на день, уверенная, что прошел всего месяц. Мы были так заняты, наслаждаясь бездельем во время летних каникул, что я потеряла счет времени.

Двенадцать дней. У меня задержка на двенадцать дней.

* * *

Всю вечеринку я только об этом и думала. Единственное мое желание – взять у Джонаса ключи, помчаться в круглосуточную аптеку и купить тест на беременность. Но это вызовет ненужные вопросы. Да и Дженни с Крисом обязательно заметят мое отсутствие. Вместо этого

приходится всю ночь слушать оглушительную музыку, от которой я едва не глохну. В каждом укромном уголке дома уже полно потных тел, так что мне даже сбежать некуда. А еще я слишком напугана, чтобы пить. Без понятия, какой вред алкоголь может причинить ребенку. Раньше я никогда об этом не думала. Но рисковать не собираюсь.

Поверить не могу.

– Морган! – кричит Крис с другого конца комнаты.

Он стоит на столе на одной ноге, и то же самое делает другой парень. Они играют, кто больше выпьет, пока не свалится. Любимое развлечение Криса, мне же совсем не нравится в такие моменты находиться рядом с ним. Однако он меня зовет. Не успеваю я подойти, как его соперник обрушивается на пол. Крис победно вскидывает в воздух кулак, а затем спрыгивает сам, попав прямо в мои объятия. Его рука оказывается у меня на плече.

– Ты совсем не веселишься, – бормочет Крис неразборчиво и подносит стакан к моим губам. – Выпей. Расслабься.

– Я сегодня за рулем. Не хочу пить, – отталкиваю я стаканчик.

– Все в порядке, нас отвезет Джонас. – Он делает еще одну попытку влить в меня алкоголь, но я снова уворачиваюсь.

– Джонас собирался выпить, и я согласилась быть водителем, – обманываю я.

Крис обводит взглядом помещение. Он сидит на диване рядом с Дженни, которая закинула ноги ему на колени.

– Ты же сегодня наш трезвый шофер, так?

Джонас пристально глядит на меня, прежде чем ответить. Думаю, он видит мое умоляющее выражение, так как после нашего двухсекундного молчаливого диалога вскидывает голову и говорит:

– Не-а, я уже в стельку.

Крис разочарованно опускает плечи и снова смотрит на меня.

– Ну и ладно. Придется веселиться одному.

Я стараюсь не обижаться, но сложно не обращать внимания на его слова.

– Хочешь сказать, что если я трезвая, то со мной скучно?

– Нет, но мне больше нравится пьяная Морган.

Ого! Звучит неприятно. Но он сейчас не соображает от выпитого, так что пропущу оскорбление мимо ушей, хотя бы во избежание ссоры. У меня нет настроения ругаться. И так есть о чем подумать. Поэтому я обеими руками отталкиваю Криса.

– Что ж, пьяную Морган сегодня ты не увидишь. Найди себе более веселую компанию.

В этот момент моего парня кто-то хватает за рукав и увлекает обратно к столу с криком:

– Второй раунд!

Моя трезвость резко перестает волновать Криса, и я пользуюсь возможностью сбежать от него, от этого шума, от всех этих людей. Я подхожу к двери во двор и выбираюсь на свежий воздух. Возле бассейна я сажусь в пустое кресло и, несмотря на парочку, занимающуюся явно чем-то негигиеничным в воде, наслаждаюсь относительной тишиной после сумасшествия, царящего в доме. Я разворачиваюсь, чтобы никого не видеть, а затем откидываюсь на спинку и закрываю глаза. Следующие несколько минут я стараюсь не концентрироваться на симптомах, которые могла испытывать на самом деле, а могла и просто выдумать.

Однако не успеваю я погрузиться в размышления, каким образом беременность может повлиять на мое будущее, как слышу звук подтаскиваемого стула. Не хочется даже открывать глаза и проверять, кто явился. Я не в силах сейчас видеть пьяного Криса или даже Дженни, одурманенную, обкуренную и шестнадцатилетнюю.

– Ты как?

Я выдыхаю от облегчения, услышав голос Джонаса. Поднимаю голову и с улыбкой смотрю на него.

– Да все нормально.

По его лицу заметно, что он не верит, но мне все равно. Не собираюсь говорить парню про мою задержку, так как: во-первых, это не его дело; во-вторых, я сама не знаю, беременна ли; в-третьих, даже если так, то первым об этом должен узнать Крис.

– Спасибо, что прикрыл меня, – говорю я наконец, – совсем не хотелось сегодня пить.

Джонас понимающе кивает и протягивает один из двух пластиковых стаканчиков. Я принимаю.

– Это газировка, – поясняет он. – Нашел среди пивных бочонков.

Я делаю глоток и снова откидываюсь на кресло. Гораздо лучше алкоголя.

– А где Дженни?

– Соревнуется в выпивке. Больно смотреть, – кивает в сторону дома Джонас.

– Ненавижу эту дурацкую забаву, – издаю я презрительный стон. В ответ слышу понимающий смех.

– Как нас обоих угораздило начать встречаться с полными противоположностями?

– Ну, знаешь, противоположности притягиваются.

Джонас лишь пожимает плечами. Мне кажется странным, что ему нечего ответить. Несколько секунд он пристально смотрит на меня, затем отводит взгляд.

– Я слышал, что Крис тебе сказал. Не знаю, поэтому ли ты решила уйти, но надеюсь, ты в курсе, что он не имел в виду ничего плохого. Просто перебрал. Как всегда на таких вечеринках.

Мне нравится, что он защищает друга. Даже если Крис и бывает слегка бестактным, мы оба знаем, что сердце у него все равно золотое.

– Я могла бы обидеться, если бы он себя так вел постоянно, но сегодня его выпускная вечеринка. Я понимаю, что Крису хочется повеселиться вместе со мной. В каком-то смысле он прав: пьяная Морган намного лучше трезвой.

– От всей души с этим не согласен, – произносит Джонас и внимательно смотрит на меня.

Я же отвожу взгляд и начинаю гипнотизировать стакан. Меня пугает происходящее. Пустота в груди заполняется, в этот раз очень приятными ощущениями. Я чувствую прилив жара, трепетание сердца. Ненавижу себя, но, кажется, я только что обнаружила причину моего состояния в последние недели.

Джонас.

Когда мы остаемся наедине, он смотрит на меня так, что потом без его взгляда становится тоскливо на душе. С Крисом такого у меня никогда не было.

Осознание этого факта пугает до смерти.

До недавнего времени я не испытывала ничего подобного, но теперь это чувство каждый раз словно забирает частичку моей души.

Я закрываю лицо ладонями. Как же паршиво понимать, что список людей, с которыми бы я хотела провести время, возглавляет Джонас Салливан.

Словно во мне отсутствует кусочек пазла, который есть у Джонаса.

Я встаю. Нужно как можно быстрее уйти. Я влюблена в Крису, поэтому мне неловко от эмоций, которые я испытываю, оставаясь наедине с его лучшим другом. А может, это вообще газировка виновата?

Или страх из-за вероятной беременности.

Вполне возможно, Джонас здесь совсем ни при чем.

Я стою в нерешительности несколько секунд, и тут появляется Крис. Он обхватывает меня руками и увлекает за собой в бассейн. Я разрываюсь между раздражением и облегчением. Было необходимо оказаться подальше от Джонаса, но и падать в воду полностью одетой не входило в мои планы.

Я вынырываю на поверхность одновременно с Крисом, но стоит набрать воздуха в легкие, чтобы наорать на него, как он прижимает меня к себе и целует. Я отвечаю взаимностью, радуясь такому своевременному отвлекающему фактору.

– А где Дженни? – Мы с Крисом отстраняемся и смотрим на его лучшего друга, который возвышается над нами.

– Без понятия, – отвечает Крис.

– Я же просил за ней присмотреть. Она успела основательно набраться. – Джонас закатывает глаза и спешит в сторону дома, чтобы найти мою сестру.

– Как и я! – кричит ему вслед мой парень. – Никогда не проси пьяного следить за пьяным! – Крис отплывает на ту сторону бассейна, где может достать ногами до дна, облакачивается на бортик и притягивает меня ближе. Я обвиваю руками его шею, мы оказываемся лицом к лицу. – Прости меня за те слова. Я не думаю, что ты можешь быть скучной. – В ответ я поджимаю губы, молча ликуя, что Крис заметил мое отсутствие и пришел извиниться. – Мне просто казалось, что тебе грустно, а я так хотел, чтобы ты отлично провела время.

– Теперь так и есть. – Я натянуто улыбаюсь, чтобы скрыть внутренний разлад. Но тревога никуда не исчезает.

Не думаю, что смогу перестать волноваться, пока не буду знать все наверняка. Я переживаю за себя, за него, за нас, за ребенка, который может появиться на свет у абсолютно не готовых к этому родителей. Мы пока не можем иметь детей. Нельзя принимать такое решение без уверенности, что мы подходим друг другу. Хочу ли я провести с Крисом всю оставшуюся жизнь?

– Знаешь, что мне больше всего в тебе нравится? – спрашивает он. Моя блузка всплывает на поверхность, и он заправляет ее за пояс. – Ты жертвенница. Не уверен, что такое слово существует, но оно тебе очень подходит. Ты готова на все, лишь бы другим людям было хорошо. Например, остаешься трезвой, чтобы развезти нас по домам. Такие поступки не делают тебя скучным человеком. Они делают тебя героиней.

Я искренне улыбаюсь. Крис всегда начинает отвешивать комплименты, стоит ему напиток. Хоть я и подтруниваю над ним за это, но в глубине души обожаю такие моменты.

– Обычно за подобным признанием следует ответный шаг, – продолжает он. – Что тебе нравится во мне?

Я поднимаю глаза к небу, делая вид, что задумалась. Крис игриво меня обнимает.

– Я люблю твою жизнерадостность, – наконец произношу я. – Ты веселишь меня даже тогда, когда хочешь тебе врезать.

Мои слова вызывают у парня улыбку. Она просто великолепна: широкая, открытая, с ямочками. Если у нас и будет ребенок, надеюсь, он унаследует ее. Это единственный положительный момент, который приходит на ум в данной ситуации.

– А что еще? – вкрадчиво интересуется Крис.

Я протягиваю руку и касаюсь его щеки, собираясь сказать, что обожаю его улыбку, но вместо этого у меня вырывается:

– Мне кажется, ты будешь замечательным отцом.

Сама не понимаю, как это произошло. Может быть, я подсознательно хочу увидеть его реакцию на подобную идею.

– Само собой! Клара будет от меня без ума, – со смешком отвечает Крис.

– Клара? – Я вопросительно наклоняю голову.

– Моя будущая дочь. Я уже придумал имя для девочки. Насчет мальчика пока не уверен.

– Что, если твоей жене оно не понравится? – я игриво закатываю глаза.

– Уверен, тебе нравится. – Он поднимает руки и обхватывает ладонями мое лицо, а затем нежно целует. Несмотря на то, что поцелуй Криса не вызывает тех же эмоций, что и взгляд Джонаса, я все равно чувствую приятную уверенность в завтрашнем дне. В его любви ко мне.

Как бы то ни было, когда я сделаю тест на беременность, не сомневаюсь – он меня поддержит. Таков уж Крис.

– Ребята, нам пора идти, – вклинивается Джонас.

Мы неохотно отрываемся друг от друга и смотрим на него. Он держит на руках Дженни, которая хватается за шею парня, прижимаясь лицом к его груди и тихо постанывая.

– Я ее отговаривал от участия в игре, – бормочет Крис, выбираясь из бассейна. Он помогает мне выкарабкаться, а затем мы стараемся как можно лучше выжать одежду, прежде чем сесть в машину. К счастью, кресла кожаные. Я занимаю водительское место, раз уж соврала Крису о трезвости его друга. Джонас с Дженни забираются на заднее сиденье.

Когда я выруливаю с подъездной дорожки, мой бойфренд принимается переключать радиоканалы. Раздается вступление к «Богемской рапсодии». Крис делает музыку громче и начинает подпевать. Вскоре к нему присоединяется и друг.

К собственному удивлению, я тоже подхватываю. Мне кажется, никто не смог бы удержаться. Даже если этот кто-то – семнадцатилетняя девчонка, почти уверенная в своей беременности и испытывающая неподобающие чувства к человеку на заднем сиденье, хотя она должна любить пассажира справа.

Глава вторая

Клара

Семнадцать лет спустя

Я бросаю взгляд на пассажирское кресло и морщусь. Как обычно, оно все усыпано крошками. Остатки пищи неизвестного происхождения скопились в складках кожаной обивки. Я хватаю рюкзак и перекидываю на заднее сиденье. Туда же бросаю пакет из-под еды и две пустые бутылки. Затем пытаюсь смахнуть весь мусор. Скорее всего, это от бананового хлеба, который Лекси грызла на прошлой неделе. Либо от бублика, которым она завтракала сегодня по пути в школу.

На приборной панели валяются в беспорядке несколько контрольных с выставленными оценками. Я протягиваю к ним руку, одновременно сворачивая к обочине, но затем решаю, что не стоит так убиваться ради наведения порядка, и снова выруливаю на дорогу.

Когда я подъезжаю к знаку «СТОП», то всерьез задумываюсь, как поступить дальше: свернуть к дому, где семья готовится к традиционной вечеринке в честь дня рождения, или развернуться и направиться вверх по холму, чтобы подобрать голосующего Миллера Адамса, которого я заметила пару минут назад.

Он избегал меня почти весь прошлый год, но непорядочно оставлять даже едва знакомого человека под таким палящим солнцем. Стоит подвезти его, вне зависимости, насколько некомфортно мне будет. Снаружи почти сто градусов¹. В машине работает кондиционер, и все равно из-за жары капельки пота стекают по шее и груди и впитываются в бюстгальтер.

Лекси носит свой почти целую неделю, прежде чем постирать. Говорит, что пропитывает его дезодорантом каждое утро. Но для меня надеть один и тот же лифчик дважды равноценно повторному использованию грязных трусов.

К сожалению, моя философия чистоты не действует в отношении машины.

Я втягиваю носом воздух. Пахнет плесенью. Сначала я хочу воспользоваться освежителем, но затем решаю, что в таком случае Миллер почувствует его. Не знаю, что хуже: легкий запах плесени или свежераспыленный ароматизатор, который призван замаскировать запах плесени.

Не то чтобы я хотела произвести впечатление на Миллера Адамса. Какой смысл переживать, что о тебе подумает парень, который приложил массу усилий, лишь бы с тобой не пересекаться? Но отчего-то меня волнует его мнение.

Я никогда не рассказывала об этом Лекси, потому что история довольно унижительная, но в начале учебного года нам с Миллером достались соседние шкафчики, так не прошло и двух часов, как его локером стал пользоваться Чарли Бэнкс. Когда я поинтересовалась, почему он поменялся с Миллером, то узнала, что тот предложил приятелю двадцать долларов.

¹ Сто градусов по Фаренгейту почти равны 38 °C (прим. пер.).

Не исключено, что ко мне эта ситуация и не имела отношения, но все же было обидно. Не знаю, чем я могла вызвать у Адамса такую неприязнь. Я стараюсь не обращать внимания на его поведение, но мне не нравится, что я ему не нравлюсь, поэтому я просто обязана его подвезти и доказать: я – хороший человек. Потому что так и есть, черт возьми! Хотя он явно другого мнения.

Я разворачиваюсь. Пускай я так поступаю из эгоистических соображений, но просто необходимо изменить его представление обо мне.

Когда я подъезжаю к вершине холма, то вижу, как Миллер стоит возле дорожного знака с телефоном в руке. Его машины нигде не видно, но он явно вышел не на пробежку. Адамс одет в потертые голубые джинсы и черную футболку, каждая из вещей сама по себе – это уже смертный приговор, а надетые вместе... Тепловой удар – не самая приятная штука, но каждому свое, как говорится.

Он внимательно за мной наблюдает, пока я паркуюсь. Парень стоит всего в пяти футах от меня, поэтому я отчетливо вижу его ухмылку, когда он небрежно засовывает телефон в задний карман и впивается взглядом в меня.

Не думаю, что Миллер знает, как его внимание (или отсутствие такового) могут повлиять на собеседника. Каким-то непостижимым образом у него выходит смотреть так, словно ты – самая интересная вещь на свете. Все его тело сигнализирует о предельной внимательности: он наклоняется вперед, брови сведены на переносице, он кивает, хмурится, смеется, слушает. Следить за тем, как меняется выражение его лица во время разговора, просто захватывающе. Иногда я замечаю Адамса с другими школьниками и втайне завидую его собеседникам. Мне всегда было интересно, на что был бы похож наш с Миллером диалог. Мы никогда не общались один на один, но раньше я время от времени ловила на себе его взгляд, и даже такие отголоски его внимания заставляли меня покрываться мурашками.

Начинаю жалеть, что не поехала домой, но раз я здесь, то делать нечего, поэтому я опускаю стекло и спрашиваю, стараясь не показывать волнения:

– Автобус ждешь? Он будет не раньше чем недели через две. Подвезти?

Адамс рассматривает меня несколько секунд, а потом смотрит на пустую дорогу, словно ожидая, что появится вариант получше. Затем утирает пот со лба и переводит взгляд на дорожный знак, за который держится рукой.

Предвкушение сжимает сердце, давая понять, что мне однозначно не наплевать на мнение Миллера Адамса, как бы я ни пыталась убедить себя в обратном.

Меня злит, что я понятия не имею, чем могла ему насолить, ведь мы вообще никогда не общались. Однако он меня избегает, и это становится похоже на примирение с парнем после разрыва.

Может, я бы и не стремилась так сблизиться с ним, не будь он таким уникальным. И симпатичным. Особенно в этой кепке, надетой козырьком назад, из-под которой выбиваются непослушные темные пряди. Сильно отросшие, между прочим. Обычно стрижка у Миллера довольно короткая, но за лето волосы стали длиннее. Мне так больше нравится. Хотя и раньше было ничего.

Черт. Неужели я засмотрелась на его прическу? Мое тело само меня предает.

Изо рта у него торчит палочка от леденца. Одна из его привычек. Меня забавляет эта привычка Адамса, она придает ему шарма. Не уверенный в себе парень ни за что не стал бы разгуливать с чупа-чупсом за щекой, но Миллер вечно посасывает леденцы.

Он вытаскивает конфету и облизывает губы. Я тут же ощущаю, насколько непривлекательной, потной шестнадцатилетней девчонкой выгляжу.

– Можешь подойти на пару секунд? – спрашивает Адамс.

Я хотела его подвезти, но вылезать на жару не собиралась.

– Нет. Снаружи просто печка.

– Это ненадолго. Быстрее, пока меня не застучали, – он снова призывно машет рукой.

Мне и в самом деле совершенно не хочется выходить из машины. Я уже начинаю жалеть, что решила помочь Миллеру, несмотря на долгожданную возможность побеседовать.

Разрываясь между почти одинаково вожделенными прохладой от кондиционера и разговором с парнем, я в конце концов выбираю последнее. Однако, выбираясь из автомобиля, я трагически вздыхаю, чтобы он понимал, какую жертву я приношу.

Расплавленный асфальт недавно отремонтированной дороги прилипает к подошвам шлепанцев. Стройка идет уже несколько месяцев, и теперь мою обувь почти наверняка можно выбрасывать.

Я осматриваю ущерб и протяжно выдыхаю.

– Отправлю тебе счет за испорченные туфли.

– Но это же не туфли, – вопросительно осматривает мои ноги Миллер.

Я внимательнее оглядываю дорожный знак, в который он вцепился. Это щит с названием города, вертикально прикрепленный к передвижной деревянной платформе. Она придавлена двумя огромными мешками с песком. Только после реконструкции дороги все знаки будут зацементированы.

Адамс снова вытирает пот со лба и берется за один из мешков. Затем приподнимает его и протягивает мне со словами:

– Держи и давай за мной.

– За тобой? С этим? Но куда? – ворчу я, пока он передает мне увесистый груз.

– Недалеко. Футов на двадцать туда, – кивает Миллер в сторону, откуда я приехала. Затем снова засовывает леденец в рот, поднимает второй мешок и безо всяких усилий вскидывает на плечо. Дорожный знак он волочит за собой. Деревянное основание скребет по плитам, оставляя след из небольших щепок.

– Ты что, собираешься украсть название города?

– Не-а. Просто хочу немного его передвинуть.

И он продолжает идти, я же застываю на месте, наблюдая за ним. Мышцы на руках Миллера напряглись, и я задумалась, как выглядят остальные его мускулы. *Хватит, Клара!* Из-за тяжести мешка руки уже ноют, но вожеление сильнее самоуважения, поэтому я неохотно преодолеваю оставшееся расстояние.

– Я предложила лишь подбросить тебя до дома, а не пособничество непонятно в чем, – пыхчу я, обращаясь к спине парня.

Миллер ставит знак вертикально, придавливая своим мешком деревянную панель и забирает у меня второй. Затем сгружает его на основание и разворачивает табличку в правильную сторону. Закончив с перестановками, он снова вытаскивает леденец изо рта и улыбается.

– Отлично. Спасибо. – Адамс вытирает руки о джинсы и переспрашивает: – Значит, ты подбросишь меня до дома? Клянусь, стало по крайней мере на десять градусов жарче, пока я сюда добирался. Нужно было взять свой пикап.

– Зачем тебе понадобилось передвигать дорожный щит? – интересуюсь я, указывая на надпись.

Миллер переворачивает кепку и надвигает козырек на самые глаза, чтобы защититься от солнца.

– Я живу примерно в миле отсюда, – отвечает он, указывая большим пальцем через плечо. – А в моей любимой пиццерии нельзя заказать доставку за пределы города. Поэтому каждую неделю я немного переставляю указатель. Пытаюсь сдвинуть его ближе к нашему дому до того, как стройка закончится и его зацементируют.

– Ты изменяешь границы города? Ради пиццы?

– Всего лишь на милю. – Миллер уже направляется обратно к моей машине.

– А вмешиваться в дорожное регулирование разве законно?

– Может быть. Я не знаю.

– Почему ты двигаешь по чуть-чуть каждый раз? – спрашиваю я, догоняя парня. – Почему бы сразу не поставить знак туда, куда нужно?

– Если перемещать понемногу, то гораздо выше вероятность сделать это незаметно, – отвечает Миллер, открывая пассажирскую дверь.

В чем-то он прав.

Когда мы оба забираемся в машину, я снимаю вымазанные дегтем шлепанцы и включаю кондиционер на максимум. Мои контрольные улетают прямо под ноги Миллеру, пока он застегивает ремень безопасности. Он нагибается, подбирает их и пролистывает, изучая оценки.

– Одни пятерки, – комментирует он, перекладывая бумаги на заднее сиденье. – Выходит само собой или зубришь?

– Какой ты любопытный. И то, и другое, пожалуй. – Я начинаю выруливать на дорогу, пока мой спутник заглядывает в бардачок. Прямо как неугомонный щенок. – Ты что творишь?

Миллер достает дезодорант.

– Для экстренных случаев? – Он открывает колпачок и принохивается. – Вкусно. – Затем возвращает баночку на место и достает пачку жвачки. Берет одну пластинку и предлагает мне. *Он предлагает мне мою же жевательную резинку!*

Я недоверчиво качаю головой, наблюдая, как он обыскивает салон. Жевать он не может из-за леденца, поэтому убирает пачку в карман и начинает переключать песни в плеере.

– Ты всегда такой наглый?

– Я – единственный ребенок в семье, – заявляет Миллер таким тоном, словно это все объясняет. – Что слушаешь?

– Разное, но конкретно эту песню поет Greta Van Fleet.

– И как она? – Он делает громче как раз в момент, когда все заканчивается.

– Это не она, а название рок-группы.

Начинают звучать переборы гитары следующей мелодии, и на лице Миллера появляется широкая улыбка. Он вопит:

– Я ждал чего-нибудь повеселее!

Я поглядываю на дорогу и размышляю, ведет ли он себя так постоянно. Шумный, наглый, гиперактивный. Наша школа не такая уж и большая, но Миллер учится на класс старше, поэтому общих предметов у нас нет. Но я достаточно хорошо его знаю, чтобы понимать: парень меня избегает. Никогда еще нам не доводилось оказываться в ситуации, когда мы могли бы лично пообщаться. Не знаю, чего я ожидала, но явно не такой бесцеремонности.

Адамс протягивает руку, выуживает из-за сиденья стопку бумаг и немедленно начинает их рассматривать. Поняв, что это за листки, я выхватываю их из рук назойливого пассажира и бросаю на заднее кресло.

– Что это?

В папке собраны заявления во все подходящие университеты, но обсуждать их не хочется, так как эта тема и без того является яблоком моего раздора с родителями.

– Просто хлам.

– А было похоже на заявления для поступления в театральный университет. Уже начинаешь рассылать?

– Ты самый любопытный человек из всех, кого я встречала. И ответ – нет. Просто раздумываю. – *Ага, и прячу документы в машине, чтобы не расстроит маму с папой своим желанием стать актрисой.* – А ты свои уже отправил?

– Ага. В режиссерскую академию, – немедленно ухмыляется Миллер.

Ну да, теперь он просто издевается.

Затем Адамс начинает постукивать по приборной панели в такт музыке. Я стараюсь смотреть на дорогу, но взгляд то и дело возвращается к парню. Просто не могу удержаться. Отчасти

потому, что наблюдать за ним увлекательно, хотя и просто проконтролировать его действия не помешает.

Внезапно Миллер выпрямляется и застывает, заставляя меня вздрогнуть, так как непонятно, что его испугало. Он достает телефон из заднего кармана, звонок которого я не услышала из-за громкой музыки. Адамс выключает плеер и вытаскивает изо рта палочку, оставшуюся от леденца.

– Привет, детка, – говорит он в трубку.

Детка? Стараюсь сдержаться и не закатить презрительно глаза.

Должно быть, это Шелби Филипс, его девушка. Они встречаются уже почти год. Раньше она тоже ходила в нашу школу, но в прошлом году поступила в университет, который находится в сорока пяти минутах езды отсюда. Ничего против нее не имею, но и общаться нам раньше тоже не доводилось. Может, у взрослых два года разницы и не имеют значения, но для подростков это целая пропасть. При мысли, что подружка Миллера уже студентка, я начинаю ерзать на кресле. Не знаю, почему этот факт заставляет меня чувствовать ущербность, будто учеба в универе автоматически делает человека умнее и интереснее обычной старшеклассницы.

Я пристально слежу за дорогой, хотя сгораю от желания проследить за мимикой Миллера во время разговора. Сама не понимаю почему.

– Уже подъезжаю к дому. – Парень делает небольшую паузу, чтобы выслушать ответ, и продолжает: – Думал, что это будет завтра. – Еще одна пауза. – Ты только что проехала нужный поворот.

Лишь спустя несколько секунд до меня доходит, что последняя фраза была адресована мне. Я перевожу на Миллера взгляд и замечаю, что он прикрывает телефон рукой:

– Поворот был вон там, сзади. – Я резко жму на тормоз. Несносный пассажир едва успевает упереться в приборную панель и бормочет со смешком: – Черт.

Я так увлеклась подслушиванием, что пропустила поворот.

– Не-а, – продолжает Миллер прерванный разговор, – просто вышел прогуляться в самую жару, поэтому обратно меня подвозят.

Почти уверена, что слышу голос Шелби на другом конце, спрашивающей:

– А кто тебя подвозит?

– Какой-то мужик, – отвечает ей парень, бросив на меня взгляд. – Без понятия. Я перезвоню, ладно?

Какой-то мужик? Кто-то не слишком доверяет своей половине.

Миллер вешает трубку как раз тогда, когда я выруливаю к его дому. Никогда раньше здесь не была. Знала, в какой стороне он живет, но высокие деревья загораживают то, что находится за дорожкой из белого гравия.

Подобного я не ожидала.

Деревянный домишко совсем старый, очень маленький и отчаянно нуждается в покраске. На крыльце висят ничем не примечательные качели и стоят два кресла-качалки – единственное, что не выглядит потрепанно.

Рядом припаркован старый голубой пикап, позади виднеется еще одна машина. Она в еще более ужасном состоянии: каркас стоит на пеноблоках, по бокам растут сорняки, почти скрывая кузов.

Это зрелище застает меня врасплох, сама не знаю почему. Наверное, я представляла жилище Миллера совсем по-другому: огромный особняк с бассейном во дворе и гаражом на четыре автомобиля. В нашей школе твой статус зависит от внешнего вида и богатства родителей. Возможно, обаяние Адамса искупает отсутствие у него денег, потому что он – один из самых популярных парней. Никогда не слышала, чтобы о нем кто-то плохо отзывался.

– Ожидала чего-то покруче?

Его вопрос неприятно задевает. Я останавливаю машину в конце дорожки и изо всех сил делаю вид, что в его доме нет абсолютно ничего удивительного. Вместо ответа я меняю тему:

– Какой-то мужик, значит? – спрашиваю в свою очередь я, возвращаясь к его беседе по телефону.

– Не собираюсь рассказывать своей девушке, что меня подвезла ты, – как ни в чем не бывало говорит этот неблагодарный, – иначе все выльется в трехчасовой допрос.

– Очень здоровые и честные отношения.

– Если не считать допросов, то так и есть.

– Раз не нравятся допросы, может, не стоило затевать перемещение указателя?

Когда я произношу последние слова, Миллер уже стоит снаружи, однако он наклоняется и, прежде чем захлопнуть дверь, заявляет:

– Я никому не проболтаюсь, что ты была соучастницей преступления, если пообещаешь не рассказывать историю с дорожным знаком.

– Купи мне новые шлепанцы, и я вообще забуду про сегодняшний день.

Парень ухмыляется, будто я сказала что-то забавное, и говорит:

– Мой бумажник внутри. Пойдем.

Само собой, это была шутка. И уже тем более я не собиралась брать у него деньги после того, как увидела состояние дома. Однако во время поездки мы выработали определенный саркастичный стиль общения, и если я сейчас откажусь от оплаты, то это может прозвучать как оскорбление. Я совсем не против подразнить его, но по-настоящему обидеть уж точно не хочу. Кроме того, возражать поздно, так как Миллер уже на полпути к дому.

Я оставляю обувь в машине, не желая запачкать дегтем крыльцо, и босиком поднимаюсь по скрипучим ступенькам. Увидев подгнившую доску, я перешагиваю через нее.

Миллер замечает мой маневр.

Когда мы заходим в дом, он оставляет свою измазанную дегтем обувь рядом с дверью. Внутри жилье находится в гораздо лучшем состоянии. Везде чисто и прибрано. Однако обстановку не меняли, наверное, с шестидесятых годов. Мебель совсем старая. Оранжевый войлочный диван, накрытый самодельным пледом, громоздится у одной из стен. Два зеленых громоздких кресла стоят друг напротив друга. Они выглядят очень устаревшими, словно купили их в середине прошлого столетия. Складывается ощущение, что мебель не меняли с момента приобретения, задолго до рождения Миллера.

Единственный предмет, выглядящий новым, это мягкое кресло с откидывающейся спинкой напротив телевизора. Однако сидящий в нем человек еще старше, чем все в доме. Мне видны лишь часть профиля и лысеющая макушка, а немногие оставшиеся на голове волосы совсем седые. Мужчина храпит.

В комнате душающая жара. Пожалуй, здесь даже горячее, чем снаружи. Воздух, который едва достигает легких, обжигает и пахнет поджаренным беконом. Окно в гостиной открыто, а по бокам стоят два работающих вентилятора, направленные на спящего. Должно быть, он – дедушка Миллера. Слишком стар для отца.

Парень тем временем пересекает комнату и направляется дальше по коридору. На меня начинает по-настоящему давить тот факт, что я намерена забрать его деньги. Это была шутка. Теперь все выглядит как демонстрация моего характера далеко не с лучшей стороны.

Когда мы добираемся до его спальни, Миллер оставляет дверь открытой, но я остаюсь в коридоре. Из комнаты до меня доносится теплый ветерок, который приносит облегчение, играя с прядями моих волос.

Я осматриваю помещение. Оно тоже не такое ветхое, как дом снаружи. Вплотную к дальней стене стоит широкая кровать. *Миллер на ней спит. Прямо там, ворочаясь на тех белых простынях.* Я с трудом отвожу взгляд и смотрю на висящий над изголовьем постер The Beatles. Интересно, это Адамс такой фанат старой музыки или плакат повесили в шестидесятых годах,

вместе с остальной мебелью? Дом такой старый, что не удивлюсь, если раньше здесь была спальня его дедушки, когда тот был подростком.

Но тут мое внимание привлекает фотокамера на комод. Совсем недешевая. А рядом лежат несколько объективов. Подобный набор вызвал бы зависть у любого профессионала.

– Любишь делать снимки?

– Да. – Миллер перехватывает мой взгляд. Затем открывает верхний ящик комода. – Но моя настоящая страсть – это кино. Поэтому и собираюсь стать режиссером. – Он искоса смотрит на мою реакцию. – Убил бы за возможность учиться в Техасском университете, но вряд ли для меня там найдется стипендия, так что придется идти в государственный колледж.

Я думала, что тогда в машине он просто издевался, но теперь его комната убеждает меня в обратном. Возле кровати возвышается стопка книг. Название верхней гласит «Как делается кино», автор некая Сидни Люмет. Я прохожу, беру пособие и пролистываю.

– Какая ты любопытная, – с гримасой передразнивает меня Миллер.

Я неодобрительно вздыхаю и возвращаю книгу на место.

– А в колледже есть режиссерский факультет?

– Нет, но он может быть первой ступенькой в образовании, которое приведет к заведению с таким подразделением. – Парень качает головой и подходит ближе, сжимая в пальцах десять долларов. – В супермаркете такие шлепанцы стоят пятерку. Шикуй!

Я замираю в нерешительности, не желая брать деньги. Видя мои колебания, Миллер неодобрительно закатывает глаза, а затем засовывает купюру в передний левый карман моих джинсов.

– Дом действительно развалина, но я не нищий. Забирай.

Я через силу сглатываю.

Его пальцы побывали в моем кармане. Я до сих пор чувствую прикосновение, словно они и не вытаскивали.

Я откашливаюсь и выдавливаю улыбку.

– Приятно иметь с тобой дело.

– Правда? Выглядишь ты чертовски виноватой, – парень недоверчиво склонил голову к плечу.

Обычно я гораздо лучше использую свой актерский талант. Ненавижу сама себя.

Подхожу к двери, несмотря на жгучее желание чуть лучше рассмотреть спальню.

– Я и чувство вины? Не смейся. Из-за твоей выходки моя обувь испорчена. Так что с тебя причитается. – Я выхожу из комнаты и направляюсь к выходу, но он неожиданно решает проводить меня. Но, дойдя до гостиной, я останавливаюсь: старика больше не видно. Я поворачиваю голову и замечаю его возле холодильника на кухне. Он открывает бутылку с водой и отпивает, с любопытством глядя на меня.

Миллер обходит меня и спрашивает:

– Ты уже выпил таблетки, дедуль?

Он называет его дедулей. Это так мило.

Мужчина пристально смотрит на внука и презрительно закатывает глаза.

– Я принимаю лекарство каждый божий день с тех пор, как твоя бабушка уехала. Я не инвалид.

– Пока, – язвительно замечает Адамс. – И потом, бабушка не уезжала. Она умерла от сердечного приступа.

– Так или иначе, она меня бросила.

Миллер оглядывается, подмигивает мне. Не уверена, к чему относится этот жест. Может, он просто пытается смягчить эффект от поведения и внешности пожилого родственника, кото-

рый выглядит точь-в-точь как Мистер Небберкрякер². Я начинаю понимать, откуда взялась саркастическая манера общаться у его внука.

– Ты просто зануда, – ворчит дедуля Миллера. – Ставлю двадцатку, что переживу и тебя, и все ваше поколение номинантов на премию Дарвина.

Адамс лишь хохочет в ответ.

– Осторожнее, дед. Из тебя рвется язвительность.

– Это ты поосторожнее. А то я вижу перед собой изменщика, – незамедлительно наносит ответный удар старик.

Миллера его слова совершенно не задевают, а вот мне становится неловко.

– Осторожнее, дедуля. Твои варикозные вены набухли.

Старший Адамс швыряет крышку от бутылки во внука и попадает тому по щеке.

– Я вычеркиваю тебя из завещания.

– Да пожалуйста. Сам повторяешь, что единственная ценность, которая у тебя есть, – это воздух.

– Значит, он тебе в наследство не достанется, – пожимает мужчина плечами.

Я наконец не выдерживаю и смеюсь. Хотя до последнего не была уверена в благодушности их перепалки.

Миллер подбирает крышку с пола и крутит ее в руках. Затем машет в мою сторону.

– Это Клара Грант. Моя подруга из школы.

Подруга? Ну хорошо. Я улыбаюсь старшему Адамсу.

– Приятно познакомиться.

– Клара Грант? – переспрашивает он, наклоня голову к плечу и рассматривая меня. Я киваю. – Когда Миллеру было шесть лет, он наделал лужу в штаны, до смерти испугавшись слива в общественном туалете.

Мой новый друг издает тихий стон и открывает входную дверь, выразительно глядя на меня.

– И ведь я знал, что не следует впускать тебя внутрь. – С этими словами он жестом приглашает меня на выход, но я и не думаю покидать дом.

– Не уверена, что готова уйти, – смеюсь, комментирую я. – Я бы не отказалась услышать еще несколько подобных историй.

– У меня их полно, – заверяет дедуля. – Вот, эта точно тебе понравится. Есть видео того момента, когда пятнадцатилетний внучек устроил в школе...

– Дед! – резко прерывает Миллер. – Иди лучше вздремни. Прошло уже по крайней мере пять минут с твоего последнего отдыха. – Раздраженный парень хватает меня за руку и буквально вытаскивает за собой из дома, хлопая дверью.

– Подожди. Что произошло, когда тебе было пятнадцать? – спрашиваю я, в надежде узнать подробности.

Миллер отрицательно машет головой, выглядя слегка смущенным.

– Ничего особенного. Он любит нести небылицы.

– Нет, уходишь от ответа. Я хочу услышать продолжение, – ухмыляюсь я.

– Этого никогда не будет. Никогда, слышишь? – Парень кладет ладонь мне на плечо и подталкивает к крыльцу.

– Ты еще не знаешь, какой настойчивой я могу быть. А еще мне нравится твой дедушка. Может, стоит навещать его почаще? – поддразниваю я. – Когда граница города будет официально передвинута, я закажу пиццу с пепперони и ананасом и приеду смаковать унизительные истории о тебе.

² Мистер Небберкрякер – отрицательный персонаж из анимационного фильма «Дом-монстр».

– С ананасом? Пицца? – Миллер с притворным разочарованием качает головой. – Тебе больше не рады в этом доме.

Я спускаюсь по ступеням, вновь обходя подгнивший участок. Уже стоя на траве, я оборачиваюсь и замечаю:

– Ты не можешь решать, с кем мне дружить. И кстати, пицца с ананасом просто великолепна – идеальное сочетание соленого и сладкого. – Я достаю мобильник. – У твоего дедушки есть Инстаграм³?

Миллер только неодобрительно фыркает, но глаза у него веселые.

– Увидимся в школе, Клара. Никогда больше не приезжай сюда.

Я ухмыляюсь и довольной походкой направляюсь к машине. Когда я открываю дверцу и оборачиваюсь, Адамс пристально смотрит в телефон, а затем уходит, так и не оглянувшись. Когда он исчезает внутри, мне приходит уведомление.

Миллер Адамс подписался на ваши обновления.

Я улыбаюсь.

Может, мне только показалось, но...

Заводя двигатель, я набираю номер тети Дженни.

³ Инстаграм – продукт компании Мета, которая признана экстремистской организацией в России.

Глава третья

Морган

– Морган, стой! – Дженни отбирает у меня нож и занимает место у разделочной доски. – Сегодня у тебя день рождения. Предполагается, что ты будешь отдыхать.

Я облакачиваюсь на кухонную стойку и смотрю, как сестра нарезает помидоры. Ломтики получаются чересчур толстыми, но я сдерживаюсь и никак это не комментирую. Несмотря на то, что нам уже за тридцать, во мне до сих пор иногда просыпается желание поправить ее и взять дело в свои руки.

Но, по правде говоря, из одного кусочка могло бы запросто выйти три.

– Хватит меня осуждать, – бормочет Дженни.

– Я не осуждаю.

– Неправда. Сама знаешь, повар из меня никудышный.

– Именно поэтому я и принялась сама нарезать помидоры.

Сестра поднимает нож, словно собираясь покромсать уже меня. Я лишь вскидываю руки, сдаваясь, и встаю сбоку от нее.

– Итак, – говорит Дженни, искоса поглядывая на меня. По тону ее голоса сразу становится понятно: дальнейшее мне не понравится, – мы с Джоном решили пожениться.

К обоюдному удивлению, я никак не реагирую на ее заявление. Но я чувствую, как меня захлестывают противоречивые эмоции.

– Так он сделал тебе предложение?

В ответ она понижает голос, чтобы жених не услышал из соседней комнаты.

– Не совсем. Больше было похоже на обсуждение возможных вариантов. Но это логично.

– Наименее романтическое начало брака, что я встречала.

– Как будто у вас было по-другому, – отвечает Дженни, неприязненно сузив глаза.

– Туше! – Ненавижу, когда она права.

У нас с Крисом тоже не было красивого предложения, или вообще какого бы то ни было, если уж на то пошло. На следующий день после объявления о беременности он задумчиво пробормотал: «Пожалуй, следует оформить отношения официально». А я просто подтвердила: «Наверное».

И вот что получилось.

Я замужем уже семнадцать лет и не имею права судить Дженни за то, что она попала в точно такую же ситуацию. Просто в ее случае все иначе. Джонас и Крис – абсолютно разные люди. К тому же, пока я не забеременела, мы встречались почти два года, а что происходит в отношениях сестры, я вообще не понимаю. После его выпуска они не общались, а теперь он внезапно не просто вернулся в ее жизнь, но и станет членом нашей семьи?

В прошлом году умер отец Джонаса, и Дженни внезапно решила пойти на похороны. Там она встретила бывшего парня, которого не видела много лет, и провела с ним ночь,

вспомнив старые добрые времена. На следующий день он уехал в Миннесоту, а спустя еще месяц сестра поняла, что беременна.

В оправдание Джонаса должна заметить, что он поступил как настоящий мужчина: завершил все дела в Миннесоте и перебрался сюда до рождения ребенка. Но с другой стороны, произошло это всего три месяца назад, и я до сих пор не разобралась, что собой представляет отец моего племянника. Они с Дженни недолго встречались в старших классах, а теперь он переезжает на другой конец страны ради воспитания сына?

– Вы сколько раз хоть сексом занимались? – Дженни пораженно смотрит на меня, очевидно считая эту информацию слишком личной. Я лишь нетерпеливо закатываю глаза. – Хватит строить из себя скромницу. Я серьезно. Вы однажды переспали, а потом не виделись до рождения ребенка. Тебе врач вообще разрешил уже?

– На прошлой неделе, – кивает сестра.

– Ну так? – настойчиво подталкиваю я, ожидая ответа на предыдущий вопрос.

– Три раза.

– Включая ту интрижку на одну ночь?

– Тогда четыре, – задумчиво встряхивает она головой, – или... пять. Тот случай можно зачесть как два раза.

– Всего пять раз? – Да уж, они практически незнакомцы. – И ты собираешься выйти за него замуж?

Дженни прекращает нарезать помидоры, затем бросает ломтики в тарелку и принимается за лук.

– Ты так говоришь, словно мы раньше не встречались. В старших классах тебе он вроде бы нравился. Не понимаю, откуда такая враждебность сейчас?

– Ну, смотри сама, – я отступаю на шаг и начинаю перечислять: – Он бросил тебя, почти сразу переехал в Миннесоту, пропал на семнадцать лет, а теперь внезапно готов провести с тобой всю оставшуюся жизнь? Удивительно, что ты считаешь мою реакцию странной.

– У нас общий ребенок, Морган. Вы с Крисом женаты именно по этой причине.

И снова она права.

Я не знаю, что ответить, и тут у Дженни звонит телефон. Она вытирает руки и достает его из кармана.

– К слову, о детях. – Сестра отвечает на вызов. – Привет, Клара.

Громкая связь включена, поэтому я слышу очень обидное:

– Ты же сейчас не рядом с мамой?

– Не-а, – бросает Дженни, кидая на меня косой взгляд, и отходит к двери. Затем выключает громкую связь и исчезает в глубине гостиной.

Меня беспокоит не столько желание дочери обратиться за советом к моей сестре, а не ко мне, сколько неумение Дженни дать правильный. Она бесцельно прожигала жизнь на вечеринках, едва закончив курсы медсестер, периодически живя у нас. И когда Клара просит помощи у тети, Дженни обычно находит предлог повесить трубку и перезванивает мне. И уже мои слова передает Кларе, выдавая за собственные.

Мне это даже нравится. Конечно, я бы предпочла, чтобы дочь обращалась напрямую ко мне, но я все понимаю. Я – ее мама, а Дженни – классная тетя. Естественно, подростку не хочется рассказывать родителям об определенных проблемах. Клара бы умерла от смущения, если бы знала, что я в курсе некоторых ее секретов. Например, несколько недель назад она попросила Дженни организовать прием у гинеколога, чтобы начать принимать противозачаточные.

Я возвращаюсь за стойку и продолжаю нарезать лук. Внезапно дверь распаивается и входит Джонас. Он протягивает руки к разделочной доске.

– Дженни просила подменить ее, так как ты сегодня должна отдыхать.

Я лишь раздраженно вздыхаю и кладу нож, уступая дорогу. Одновременно я бросаю взгляд на левую руку жениха сестры, воображая на его безымянном пальце обручальное кольцо. Сложно представить, чтобы Джонас Салливан с кем-то связал свою жизнь. До сих пор не верится, что он снова здесь, причем прямо тут, на кухне, шинкует лук на доске, подаренной нам с Крисом на свадьбу. Которую, кстати, лучший друг даже не соизволил посетить.

– Ты как?

Я перевожу взгляд на лицо Джонаса. Его голова наклонена к плечу, кобальтовые глаза лучатся интересом, он искренне ждет ответа. Внутри словно все сгущается: моя кровь, мое возмущение.

– Я в порядке, – едва выдавливаю кривую улыбку. – Правда.

Срочно нужно переключить внимание на что-то другое. На что угодно другое. Я подхожу к холодильнику, будто ищу ингредиент для салата. С тех пор, как он вернулся, мне успешно удавалось избегать разговоров с ним наедине. Тем более не хочется заводить серьезные беседы сегодня, в мой день рождения.

Дверь снова распаивается, и входит Крис с противнем, полным только что приготовленных на гриле гамбургеров. Я отрываюсь от холодильника и перевожу взгляд на вращающуюся туда-сюда кухонную дверь.

Ненавижу ее сильнее всех остальных частей дома.

Не поймите меня превратно, дом мне нравится. Родители Криса оставили его нам в качестве свадебного подарка, переехав во Флориду. Но здесь рос мой муж, а до этого – его отец и дедушка. Здание даже стало памятником архитектуры, что подтверждается небольшой белой вывеской на фасаде. Оно было построено в 1918 году и ежедневно демонстрирует свой износ: деревянные полы скрипят, трубы постоянно протекают. Несмотря на недавнюю реконструкцию, годы напоминают о себе.

При ремонте Крис настоял на сохранении оригинальной планировки помещений, однако несмотря на новую отделку, каждая комната по-прежнему изолирована от соседних. Я же хотела более открытое пространство, и сейчас мне иногда кажется, что я задыхаюсь среди всех этих стен.

А еще у меня точно не получится подслушать разговор Клары и Дженни.

Крис ставит противень на плиту.

– Нужно принести остальные, и все будет готово. Клара скоро приедет?

– Не знаю, – отвечаю я. – Спроси Дженни.

Муж удивленно приподнимает бровь, слыша завистливые нотки. Затем выходит из кухни, оставляя дверь хлопнуть. Джонас придерживает ее ногой и возвращается к нарезке овощей.

Хоть мы вчетвером и были друзьями в школе, сейчас он кажется мне незнакомцем. Внешне Джонас практически не изменился, не считая пары деталей. В юности его каштановые волосы были гораздо длиннее, так что иногда приходилось даже убирать их в хвост. Сейчас они темнее и короче. И выгоревших до медового цвета прядей больше не видно. Но, пожалуй, так его синие глаза выглядят даже ярче. Они всегда казались мне добрыми, даже когда Джонас злился. Я могла определить, что он расстроен, только по тому, как напрягалась его тяжелая нижняя челюсть.

Крис всегда был полной противоположностью друга. Светлые волосы прекрасно сочетаются с изумрудными глазами, а подбородок никогда не скрывается за щетиной. По работе ему требуется быть чисто выбритым, благодаря чему муж выглядит намного младше реального возраста. А еще у него появляются потрясающие ямочки, когда он улыбается. Обожаю его смех даже после стольких лет брака.

Когда друзья стоят рядом, сложно поверить, что обоим исполнилось по тридцать пять. Крису запросто можно дать двадцать пять, его лицо по-прежнему детское. Джонас же выглядит на свои годы и, кажется, вырос еще на несколько дюймов со школы.

Мне становится интересно, насколько изменилась я сама. Хотелось бы думать, что мой вид такой же молодежавый, как у Криса, но чувствую я себя старше даже тридцати трех.

Вернее, уже тридцати *четырёх*.

Джонас протискивается мимо меня, чтобы взять из шкафа тарелку, и пристально смотрит мне в глаза. На какое-то мгновение он застывает. По выражению его лица я вижу, он хочет что-то сказать, но почти наверняка промолчит. Он всегда был себе на уме. Больше думал, чем говорил.

– Что? – я жду ответа.

– Ничего. Забудь, – качает он головой и отворачивается.

– Ты не можешь бросать такие взгляды и игнорировать меня при этом.

– Сегодня твой день рождения. Не хочу поднимать неприятные темы, – вздыхает Джонас, стоя ко мне спиной и нарезая салат латук.

– Говори, раз начал.

Он снова поворачивается ко мне с сомнением на лице, но все же продолжает:

– Ты почти со мной не общалась с тех пор, как я вернулся.

Да уж, умеет он перейти сразу к делу. Я чувствую, как щеки и шею заливают жар от смущения и брошенного вызова. Я откашливаюсь.

– А сейчас мы что делаем?

– Это другое. – Он поджимает губы, словно сдерживает нетерпение. – Совсем непохоже. – Слова повисают в воздухе, мне хочется спрятаться, но помещение слишком маленькое.

– Не похоже на что?

– На то, как было раньше. – Джонас вытирает руки полотенцем. – До того, как я уехал. Раньше мы все время разговаривали.

Я чуть не фыркаю в ответ на это глупое замечание. Само собой, все изменилось. Теперь мы взрослые, у каждого своя жизнь, дети, обязанности. Ту беззаботную подростковую дружбу нельзя вернуть по шелчку пальцев.

– Прошло больше семнадцати лет. Думал, приедешь, и все будет по-прежнему?

– С Крисом же отношения наладились, – пожимает Джонас плечами. – Да и с Дженни тоже. Только с тобой сложности возникли.

Я разрываюсь между желанием уйти и наорать на него, высказав все, что накопилось с момента его эгоистичного переезда много лет назад.

Чтобы дать себе время на размышления, отпиваю глоток вина из бокала и придумываю вежливый ответ, пока жених Дженни стоит и смотрит на меня разочарованно. А может, и презрительно. Какие бы эмоции ни крылись за его пристальным взглядом, именно так он и смотрел на меня перед тем, как исчезнуть.

И в точности как тогда, совершенно неясно, направлено его разочарование на меня или себя самого. Джонас вздыхает. Почти физически ощущается, сколько мыслей остались невысказанными.

– Мне очень жаль, что я так внезапно уехал. Но ты не можешь сердиться на меня вечно, Морган, – тихо произносит он, словно не желая, чтобы кто-то еще услышал. А затем просто выходит, положив конец разговору.

До этого момента я не вспоминала, как чувствовала себя раньше в его присутствии. Находиться в одном помещении было тяжело, словно он забирал весь воздух себе, заставляя меня задыхаться.

И вот я стою, ощущая ту же самую нехватку кислорода, на своей же кухне. Несмотря на то, что друг моего мужа уже вышел, оставив дверь раскачиваться, сердце по-прежнему что-то сжимает.

Стоит мне остановить створку ногой, как в помещение врывается Дженни, снова открывая ее нараспашку. Я отгоняю мысли о несостоявшемся разговоре с Джонасом на задворки

сознания, чтобы поразмышлять над ними потом. Сейчас необходимо выяснить, что сказала Клара.

– Ничего особенного, – небрежно отмахивается сестра. – Племянница подвезла какого-то парня из школы, а он подписался на нее в Инстаграме. Она спрашивала, означает ли это, что он с ней флиртует.

– Какого парня?

– Моррис? – пожимает плечами Дженни. – Или Миллер. Не помню. Фамилия Адамс.

– Миллер Адамс? – уточняет Крис, заходя на кухню. – Почему мы про него говорим?

– Ты его знаешь? – спрашиваю я мужа.

Он бросает на меня укоризненный взгляд, показывая, что я и сама должна помнить мальчика, но на ум ничего не приходит.

– Это сын Хэнка.

– Хэнка? Неужели кто-то до сих пор называет так своих детей?

– Морган, ну ты что? – негодуяще закатывает Крис глаза. – Хэнк Адамс. Мы учились вместе.

– Очень слабо припоминаю.

– Он нам травку еще продавал, – качает муж головой. – Его исключили. Арестовали за кражу из машины учителя естествознания. И еще за что-то. По-моему, он и сейчас в тюрьме. – Крис переводит взгляд на Дженни. – Слишком часто управлял транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения или что-то вроде того. А почему вы обсуждаете его сына? Пожалуйста, скажите, что Клара с ним не встречается.

Сестра достает графин чая со льдом из холодильника и закрывает дверцу бедром.

– Нет, мы говорили про знаменитость по имени Миллер Адамс. А ты сейчас упомянул кого-то из местных. Совершенно разные люди.

– Слава богу! – с облегчением выдыхает Крис. – Это последняя семейка, с которой Кларе стоит иметь дело.

Мужу вообще нелегко дается тема взаимоотношений дочери с противоположным полом. Он берет кувшин из рук Дженни и направляется к обеденному столу.

– Знаменитость? – со смехом уточняю я, как только Крис удаляется за пределы слышимости.

– Не хочу втягивать племянницу в неприятности, – пожимает сестра плечами.

Она всегда быстро соображала. Ее способность мгновенно импровизировать даже слегка пугает. Я оглядываюсь на дверь убедиться, что та закрыта, а затем произношу:

– Джонас думает, что я его ненавижу.

– Иногда так и кажется, – пожимает Дженни плечами.

– Я никогда его не ненавидела. Ты же знаешь. Вы просто... едва знакомы.

– У нас общий ребенок.

– Которого сделать можно было за тридцать секунд.

– Скорее за три часа, если желаешь знать, – смеется сестра.

– Совершенно не желаю, – отмахиваюсь я.

В это время доносится крик мужа из столовой, что все готово. Дженни выносит гамбургеры, я же раскладываю оставшиеся овощи в салатницу и тоже выхожу.

Крис сидит напротив сестры, я по правую руку от него. Это значит, что Джонас устроился прямо напротив. Нам удастся избежать зрительного контакта, пока мы наполняем тарелки. Надеюсь, ужин так и пройдет. Все, что мне хочется получить на день рождения, – полное отсутствие взглядов между нами.

– Ты нервничаешь насчет завтрашнего дня? – спрашивает муж у Дженни.

– Не представляешь как! – откликается она с энергичным кивком.

Она работает медсестрой в той же больнице, где Крис возглавляет отдел по контролю качества. Она брала отпуск по уходу за ребенком, так как шесть недель назад родился Элайджа, а завтра собирается возвращаться к работе.

Входная дверь распаивается, и врывается лучшая подруга Клары Лекси.

– Вы начали без меня?

– Ты вечно опаздываешь. И мы почти всегда садимся за стол без тебя. А где Клара?

– Наверняка уже в пути, – отвечает Лекси. – Сначала я собиралась поехать с ней, но мама дала свою машину. – Она осматривает присутствующих и кивает Джонасу: – Здравствуйте, дядя учитель.

– Привет, Лекси, – отвечает он, раздраженно морщась, услышав прозвище.

После возвращения в наш город жених Дженни нашел работу учителем истории в школе Клары. До сих пор не могу поверить, что он преподает. Когда мы были подростками, я не слышала ни слова о том, что он собирается выбрать эту профессию. Однако в нашем захолустье на востоке Техаса не так уж много вариантов. Джонас переехал обратно, чтобы помочь сестре и Элайдже, и сразу устроился в школу, хотя раньше занимался бизнесом. А из-за низких зарплат на место учителя готовы взять любого человека с высшим образованием.

– Ты уверена, что не возражаешь, если Элайджа побудет на этой неделе у тебя? – интересуется Дженни.

– Вовсе нет. Наоборот, буду рада.

И это правда. Со следующего понедельника племянника отдадут в ясли, поэтому я совсем не против посидеть с ним четыре дня, пока его мама будет работать.

Иногда я удивляюсь, что мы с Крисом так и не завели еще ребенка после рождения Клары. Мы не раз об этом говорили, но так и не сошлись во мнениях по поводу времени. Сначала я хотела подарить дочери братика или сестренку, но муж тогда слишком много работал. Когда же Кларе исполнилось тринадцать, тему поднял уже Крис, но мысль заботиться одновременно и о младенце, и о подростке меня ужаснула. Сейчас же мне исполняется тридцать четыре, я не думаю, что найду силы пройти весь путь сначала.

Элайджа в этом отношении просто идеален. С ним можно поиграть и отправить домой к родителям.

– Жаль, что я еще школьница, – комментирует Лекси. – Из меня бы вышла отличная няня.

– А это не ты привела чужого пса, думая, что он принадлежит мне? – поддразнивает ее Дженни.

– Но он выглядел совсем как ваш.

– Вот только у меня никогда не было собаки, – со смехом заявляет сестра.

– Ну а я думала, что была, – пожимает плечами подруга Клары. – Простите за инициативность. – Она накладывает на тарелку немного еды и наконец занимает место за столом. – Я ненадолго, у меня сегодня еще свидание с парнем из Тиндера.

– Не могу поверить, что ты там зарегистрировалась, – бормочет Дженни. – Тебе всего шестнадцать! Разве ты не должна быть совершеннолетней, чтобы завести профиль?

– Я указала, что мне восемнадцать, – широко ухмыляется Лекси. – И если уж говорить об удивительных вещах, то я просто шокирована, что вы остановились на одном кавалере. Так на вас не похоже. – Она бросает короткий взгляд на Джонаса и добавляет: – Не в обиду вам будет сказано.

– Даже не собирался обижаться, – отвечает он с набитым ртом.

Дженни с Лекси всегда переругиваются. Меня это только забавляет, потому что они очень похожи. У сестры была нескончаемая вереница парней, и если бы Тиндер придумали раньше, она бы стала его королевой.

Я же никогда не была общительной. Крис – единственный парень, с которым я встречалась. И единственный, с кем целовалась. Так бывает, когда встречаешься с будущим мужем в столь юном возрасте. Черт, да я познакомилась с ним до того, как решила, кем я хочу стать!

Но, думаю, это не имеет особого значения, потому что я даже университет не закончила. Беременность заставила отложить все мечты на потом. В последнее время я только об этом и думаю. Клара почти совсем взрослая, и я постоянно чувствую внутри пустоту, словно вся моя жизнь крутится вокруг мужа и дочери.

В самый разгар моих депрессивных мыслей в столовую входит Клара. Она останавливается в пяти футах от стола, не замечая никого и ничего вокруг, сосредоточив внимание на экране телефона.

– Ты где была? – спрашивает Крис. Она явилась всего минут на тридцать позднее, чем обычно, но он все равно придирается.

– Простите, – отзывается дочь, кладя устройство на стол. Затем тянется мимо Джонаса за тарелкой. – Собрание после театральной репетиции задержали, а потом я подвозила одноклассника. – Она поднимает взгляд на меня и улыбается. – С днем рождения, мамочка!

– Спасибо!

– И кого это? – интересуется Крис.

– Миллера Адамса, – сообщает Клара, и мы с Дженни переглядываемся. Вот черт!

Муж роняет вилку на тарелку, а Лекси недоуменно спрашивает:

– Эй! А почему мне не позвонила рассказать?

Крис зло смотрит на нас с Дженни, словно собирается начать отчитывать за ложь, но я сжимаю под столом его колено. Так я предупреждаю, что не хочу сообщать всем присутствующим о нашей беседе. Он понимает не хуже меня, что Дженни – отличный источник информации о нашей дочери, и если об этом станет известно Кларе, всем это аукнется.

– И с какой стати ты решила подвезти Миллера Адамса? – лишь задает он вопрос.

– Да, – поддерживает его Лекси, – с какой это стати? Расскажи, не пропуская ни одной детали.

Дочь игнорирует подругу, отвечая только отцу:

– Да всего-то небольшой крюк пришлось сделать, не больше мили. Чего вы все так разволновались?

– Никогда этого больше не делай, – командным тоном распоряжается Крис.

– А я голосую за повторение ситуации! – вставляет Лекси.

– Снаружи просто печка, – удивленно смотрит Клара на отца. – Я что, должна была оставить его на такой жаре?

– Я не хочу, чтобы ты с ним общалась, Клара! – Муж приподнимает одну бровь, и оттого, что делает он так крайне редко, жест выглядит еще более угрожающим. – И вообще, не стоит возить парней. Это небезопасно.

– Твой отец прав, – заявляет Лекси. – Классных парней можно подвозить, только когда я с тобой.

– Боже мой, папа! – Дочь опускается на стул и раздраженно закатывает глаза. – Это же не какой-то незнакомец, кроме того, я же с ним не встречаюсь. У него уже год как есть девушка.

– Ага, только она учится в университете и не сможет помешать в случае чего, – подмигивает подруга.

– Лекси, – произносит Крис так, словно это предупреждение.

Та кивает и показывает, будто застегивает рот на молнию.

Меня же беспокоит, что Клара ведет себя так, словно и не звонила в панике Дженни, чтобы уточнить, не флиртуют ли с ней. Притворяется, что ей наплевать, перед отцом и лучшей подругой. Но благодаря болтливости сестры я знаю, что это не так. Я пристально разглядываю

дочь, восхищаясь ее актерским талантом. Однако к восторгу примешивается беспокойство. Ее умение обманывать просто впечатляет. Вся в Дженни.

Это пугает. Я не смогла бы солгать даже под страхом смерти. Я сразу начинаю запинаться, а щеки краснеют. Поэтому я всеми силами избегаю открытых противостояний.

– Мне все равно, даже если он женат или несметно богат. Я буду крайне признателен, если ты больше никогда не будешь его подвозить.

Лекси расстегивает воображаемый замок на губах и выпаливает:

– Вы же ее отец, нельзя бросаться такими фразами. Если запрещать подросткам общаться с кем-то, то мы будем хотеть этого еще сильнее.

– Кто приглашает это чудовище на семейные мероприятия? – спрашивает Крис, указывая вилкой на подругу дочери.

Я смеюсь, но понимаю, что Лекси права. Если так будет продолжаться, добром это не окончится. Нутром чую. Клара уже увлеклась мыслью об этом пареньке, а теперь он еще и стал запретным плодом. Нужно будет предупредить мужа больше не поднимать эту тему, если не хочет иметь Хэнка Адамса в качестве родственника.

– Мне одному непонятно, чем так плох Миллер Адамс? – вступает в беседу Джонас.

– Нет, мне тоже неясно, – заверяет его Клара. – Нормальный парень. Думаю, просто родители меня чрезмерно оберегают, как обычно.

Она права. Мама не особо обо мне заботилась в детстве, отчасти потому я и забеременела в семнадцать. Наверное, поэтому нас с Крисом иногда заносит. Мы сами это осознаем. Но Клара наш единственный ребенок, и мы всеми силами стараемся ее оградить от ошибок.

– Миллер – хороший парень, – высказывает свое мнение Джонас. – Я у него преподаю. Совсем не похож на Хэнка.

– Ты видишь его максимум сорок минут в день, – возражает Крис. – Так что ничего не знаешь о его настоящем характере. Яблочко от яблони, как говорится.

Джонас пристально смотрит на друга, но предпочитает не настаивать. По принципиальным вопросам муж иногда спорит до тех пор, пока противник не уступит. Помню, раньше единственный, кто никогда не сдавался и стоял на своем до конца, был Джонас Салливан.

Значит, это изменилось с тех пор. Он стал гораздо меньше пререкаться с Крисом. А когда все-таки не согласен с ним, то оставляет последнее слово за другом. Хотя мне не кажется, что это – признак слабости. Скорее наоборот, меня восхищают такие поступки.

Муж по-прежнему иногда ведет себя как вспыльчивый подросток. Джонас же словно перерос это и не видит смысла доказывать чью-то неправоту.

Возможно, это еще одна причина, по которой мне не нравится возвращение Салливана. Не слишком приятно смотреть на мужа его глазами.

– К чему ты вспомнил поговорку про яблоки и яблоню? – интересуется Клара. – Что не так с родителями Миллера?

– Не стоит тебе знать, – отмахивается Крис.

Дочь лишь качает головой и откусывает гамбургер. Хорошо, что она не стала развивать тему. Она пошла в отца и любит поспорить, поэтому никогда не знаешь, в какой момент вспыхнет ссора.

Я же совершенно не люблю конфликты, что иногда раздражает мужа. Когда он начинает доказывать свое мнение, а я уступаю и не даю разгореться скандалу, он чувствует себя проигравшей стороной.

Это было первым, что я освоила в браке: нужно уметь вовремя покинуть арену боевых действий, чтобы выйти победителем.

– Ты еще не подала заявление на участие в кинематографическом проекте от Университетской межшкольной лиги, – кажется, Джонас тоже жаждет сменить тему, как и остальные.

– Я знаю, – отвечает Клара.

– Завтра – последний срок.

– Не могу найти напарника, а самой мне не справиться.

Мне не нравится, что Джонас поддерживает идею дочери поступать на факультет актерского мастерства. Я не сомневаюсь, что она преуспеет на этом поприще, ведь на сцене она просто великолепна, однако я также знаю, как тяжело будет добиться успеха в такой конкурентной отрасли. И даже если ей это удастся, то не следует забывать и о развращающей силе славы. Это не то, чего бы я хотела для своего ребенка. Мы с Крисом ничего не имеем против театрального кружка, если основной профессией она выберет что-то более перспективное с финансовой точки зрения.

– А ты не хочешь помочь подруге? – спрашивает новоявленный дядя у Лекси. Та лишь морщится.

– Вот уж нет. У меня слишком много работы.

– Подойди ко мне завтра перед первым уроком, – обращается Джонас уже к Кларе. – Один из моих учеников тоже ищет партнера, может, договоритесь.

Она кивает и замечает, что подруга заворачивает остатки гамбургера.

– Куда это ты собралась? – интересуется она.

– Свидание с парнем из Тиндера, – отвечает за Лекси Дженни.

– Он хоть наш ровесник? – со смехом поддразнивает ее Клара.

– Само собой. Ты ведь знаешь, я терпеть не могу парней из колледжа. От них всегда за милю несет пивом, – морщит нос Лекси, затем наклоняется и шепчет что-то подруге на ухо, вызвав у той приступ смеха. Потом встает и уходит.

Дочь начинает расспрашивать Джонаса о кинематографическом проекте. Дженни с Крисом ведут оживленную беседу о больнице, о том, что она пропустила за время отсутствия.

Я в разговоре не участвую и лишь молча ковыряюсь в тарелке.

Сегодня мой день рождения, и вокруг собрались важные для меня люди, но по какой-то причине я чувствую себя невероятно одинокой. Я должна быть счастлива, но мне словно чего-то не хватает. Не могу понять, чего именно. Возможно, мне просто скучно.

Или еще хуже: я сама – скучная.

День рождения – странный праздник. Не могу перестать анализировать прожитую жизнь и потребность в чем-то, принадлежащем только мне. С тех пор как я забеременела и мы с Крисом поженились, он обеспечивал семью. Сначала с помощью родителей, после окончания университета – самостоятельно. Конечно, я заботилась о доме и ребенке, но Кларе через пару месяцев исполнится семнадцать...

У Дженни есть профессия, маленький ребенок и новый муж на горизонте.

Крис получил повышение три месяца назад, что означало работу допоздна.

Когда Клара уедет в университет, чем буду заниматься я?

Даже после окончания ужина мои мысли снова и снова возвращаются к этому вопросу. Я загружаю посудомоечную машину, когда на кухню входит Джонас. Он сразу придерживает дверь, не давая ей раскатыться. За этот жест я ему признательна. Из него вышел отличный отец, и он тоже ненавидит дверь на кухне. Уже два положительных качества.

Может, дружба между нами все же возможна.

Он прижимает Элайджу к груди и просит:

– Есть мокрая тряпка?

После этих слов я замечаю, что малыш срыгнул на его рубашку. Беру полотенце, смачиваю и протягиваю молодому отцу. Пока он отчищает одежду, я забираю племянника и люблюсь им, улыбаюсь, обнаружив небольшое сходство с Кларой, когда та была в его возрасте. Тонкие светлые волосики, темно-голубые глаза, круглая головенка. Я принимаюсь укачивать ребенка. Он такой тихий, куда спокойнее маленькой Клары. Ее постоянно мучили колики, провоцируя

непрекращающийся плач. Элайджа же только спит и ест, а кричит так редко, что Дженни зовет меня посмотреть, до чего он милый, когда расстроен.

Когда я отрываю глаза от мальчика, то ловлю на себе взгляд Джонаса. Он сразу же отворачивается и тянется к чему-то позади подгузников.

– У меня есть для тебя подарок.

Я растерянна. До ужина он казался таким резким и напряженным. А теперь собирается вручить сюрприз? Он протягивает мне незапакованный пакет с... конфетами.

Нам что, двенадцать?

Спустя минуту я понимаю, что внутри битком моих любимых арбузных леденцов, и я едва сдерживаю улыбку. Но тут же хмурюсь.

Он помнит.

Джонас откашливается и кидает полотенце в мойку. Затем забирает Элайджу.

– Нам пора домой. С днем рождения, Морган.

На этот раз я впервые искренне улыбаюсь ему в ответ.

Между нами снова устанавливается молчаливое взаимопонимание, мы секунд пять смотрим друг другу в глаза, затем Джонас кивает и выходит из кухни.

Не знаю, символизирует ли это перемирие. В конце концов, он действительно старается. К тому же он отлично обращается с Дженни, прекрасный отец Элайдже и один из любимых учителей Клары.

Почему же мне так хочется, чтобы его не любили те, кто мне дорог?

Когда они с сестрой и племянником уезжают, дочь уходит в свою комнату. Она сидит там почти все вечера. Раньше она любила проводить время со мной, но все изменилось, когда ей исполнилось четырнадцать.

Крис уделяет внимание в основном компьютеру, предпочитая смотреть сериалы или спортивные соревнования. Я же люблю несколько телешоу по кабельному каналу. Жизнь превратилась в рутину.

Я ложусь спать в одно и то же время.

Встаю в одно и то же время.

Хожу в один и тот же тренажерный зал, чтобы проделать привычные упражнения.

Занимаюсь одними и теми же делами, готовлю блюда по расписанию.

Может быть, это все из-за дня рождения, но я чувствую, как с самого утра надо мной нависает темное облако. Кажется, что все вокруг нашли свое предназначение, а я даже в тридцать четыре года не имею другой цели, кроме заботы о Кларе и муже. Мне не следовало превращаться в такую наседку. Некоторые одноклассники еще не обзавелись собственными семьями. Да и дочь уедет в университет через двадцать один месяц.

Крис заходит на кухню и берет из холодильника бутылку воды. Затем поднимает пакет с конфетами и рассматривает его.

– Ты купила эти несъедобные леденцы?

– Это подарок Джонаса.

– Да уж, хуже не придумаешь, – смеется муж и роняет упаковку на кухонную стойку.

Я стараюсь не заикливаться на факте, что он не помнит мой любимый вкус. Я и сама наверняка знаю не все, что ему нравилось, когда мы только познакомились.

– Я завтра буду поздно. Ужин можешь не готовить.

Я киваю, но только я уже это делаю. Еда томится в духовке. Ни к чему об этом говорить. Муж направляется к выходу.

– Крис? – Он оборачивается и вопросительно смотрит на меня. – Я подумываю о поступлении в колледж.

– Зачем?

– Сама пока не знаю, – пожимаю я плечами.

– Но почему именно сейчас? Тебе уже тридцать четыре, – недоуменно наклоняет он голову.

Ого.

Крис немедленно раскаивается в сказанном, когда видит, как его слова меня расстроили. Он притягивает меня к себе и обнимает.

– Я не хотел тебя обидеть, прости, – целует он меня в лоб. – Просто не думал, что тебе может быть это интересно, ведь я достаточно зарабатываю, чтобы нас обеспечивать. Но если тебе непременно нужно получить диплом... – Он снова целует меня, теперь в висок. – Значит, поступай. Я пойду приму душ.

Он уходит, а я смотрю, как дверь раскачивается взад и вперед. Ненавижу ее!

Я бы с удовольствием продала дом и переехала в новый, но Крис никогда этого не позволит. Зато теперь мне есть чем заняться, потому что сейчас мне некуда направить свою энергию. Единственное, что остается, это думать, как я хочу новую дверь в кухню.

Завтра нужно снести ее ко всем чертям! Пусть лучше вообще не будет двери, чем такая, которая не работает как следует. Правильной дверью можно хотя бы хлопнуть, когда злишься.

Я кладу в рот леденец, испытывая чувство ностальгии, вспоминая о тех временах, когда мы вчетвером были подростками, и отчаянно желая снова оказаться в машине вместе с Крисом и Дженни. У Джонаса всегда на приборной панели лежали леденцы, но ему никогда не нравились арбузные, и он оставлял их специально для меня. Как же давно я не ела эти конфеты! Иногда легко забыть, кем я была и что любила до беременности. Словно узнав о ребенке, я стала другим человеком. Думаю, такое бывает, когда становишься матерью. Вся твоя жизнь сосредотачивается на прекрасном крошечном человечке, которого ты родила.

В кухню заходит Клара, которая уже совсем не маленькая. Дочь взрослая и красивая девушка, но иногда я скучаю по тем временам, когда она сидела у меня на коленях или я укачивала ее перед сном.

Дочь тянется к пакету с конфетами.

– Ого, леденцы! – говорит она, затем подходит к холодильнику и открывает его. – Можно мне колы?

– Уже поздно, сладкого с тебя на сегодня достаточно.

Клара оборачивается и внимательно смотрит на меня.

– Но сегодня твой день рождения, а мы еще не написали ничего на доске желаний.

Я и забыла об этом. Впервые за день я чувствую, как настроение поднимается.

– Ты права. Достань бутылочку и для меня.

Клара ухмыляется. А я иду в кладовку и достаю доску желаний. Дочь, может быть, уже слишком взрослая, чтобы укладывать ее спать, но, по крайней мере, она до сих пор помнит наш ритуал. Мы придумали его, когда ей было восемь лет. Крис не принимал в нем участия, поэтому традиция принадлежит только мне и Кларе. У каждой из нас есть своя доска, и дважды в год, в дни рождения, мы добавляем надписи. Праздник дочери будет только через пару месяцев, поэтому я выношу только свою доску.

Клара занимает место за столом рядом со мной и выбирает фиолетовый фломастер. Она просматривает предыдущие пожелания, скопившиеся за несколько лет, и проводит пальцами по тому, которое оставила, когда ей было одиннадцать: «*Желаю маме забеременеть в этом году*». Рядом с надписью даже наклеена небольшая картинка погремушки.

– До сих пор не поздно сделать меня старшей сестрой, – комментирует дочь. – Тебе всего тридцать четыре.

– Ни в коем случае!

Она смеется. Я же разглядываю доску в поисках одной из целей, которые я наметила для себя в прошлый раз. Я отыскиваю изображение цветочной клумбы в левом верхнем углу. Она

символизирует мою мечту: выкорчевать кусты на заднем дворе и посадить вместо них розы. Я сделала это нынешней весной. Нахожу еще одну строчку и хмурюсь.

«Найти то, что заполнит пустое пространство».

Уверена, Клара думала, что я говорила буквально. Но на самом деле я подразумевала внутреннее состояние. Уже в прошлом году пустота дала о себе знать. Я горжусь достижениями мужа и дочери, но когда я смотрюсь в зеркало и оцениваю собственную жизнь, то нахожу не так много поводов для самоуважения. Чувствую, будто не реализовала свой потенциал. Иногда я ощущаю дыру в груди, словно моя жизнь бессмысленна. Я счастлива, но этого недостаточно.

Клара начинает писать, и я наклоняюсь вперед, чтобы прочитать. *«Поддержать стремление дочери стать актрисой».* Она закрывает фломастер и возвращает его на место.

Желание дочери заставляет меня испытать приступ вины. Я и сама хочу, чтобы она следовала своим мечтам, просто почему бы им не быть чуть более реалистичными?

– Что будешь делать с дипломом, если актерская карьера не заладится?

– Зачем загадывать? – пожимает плечами Клара, подтягивает ногу на стул и кладет подбородок на колено. – А кем ты хотела стать?

Я лишь смотрю на доску, не уверенная, что у меня есть ответ.

– Без понятия. В твоем возрасте у меня не было никаких особых талантов или склонности к какому-то определенному предмету.

– Но ты же любила что-то, как я люблю сцену?

Пару секунд я размышляю над вопросом, но на ум ничего не приходит.

– Мне нравилось общаться с друзьями, не думая о будущем. Всегда считала, что в университете что-нибудь выберу.

– Мне кажется, стоит поставить это в качестве цели на будущий год, – кивает Клара на доску. – Выяснить, в чем твоя страсть, потому что это явно не быть домохозяйкой.

– Почему бы и нет, – задумчиво отвечаю я. – Некоторые женщины счастливы лишь убираться и готовить. – Мне и самой этого хватало до недавнего времени.

Клара отпивает колу из бутылки. Я же записываю ее предложение: *«Найти свою страсть».*

Может, ей это и не понравится, но дочь напоминает меня в ее годы. Самоуверенная. Думает, что знает все. Да, именно так я и описала бы ее одним словом. Я и сама была такой, а теперь... Если основываться на моем нынешнем поведении, то характеризующее меня слово – *ворчливая*.

– Когда ты думаешь обо мне, какое определение приходит в голову?

– Мама, – немедленно произносит Клара. – Домохозяйка. *Чрезмерно заботливая*. – Над последней фразой она смеется.

– Я серьезно. Опиши мое ключевое качество одним словом.

Дочь задумчиво склоняет голову и несколько длинных секунд внимательно меня рассматривает. Затем честно говорит:

– Предсказуемая.

– *Предсказуемая*? – Я так и замираю с открытым ртом, моему возмущению нет границ.

– В хорошем смысле. – Каким образом предсказуемость может характеризовать человека с хорошей стороны? Не могу представить, чтобы кому-либо захотелось услышать такое описание себя. – Думаю, я подразумевала – надежная, – оправдывается Клара. Затем наклоняется, обнимает меня и уходит, пожелав спокойной ночи и еще раз поздравив с днем рождения. Я же остаюсь сидеть, погребенная под ворохом неутешительных мыслей.

Сомневаюсь, что дочь хотела меня обидеть, но определение «предсказуемая» я точно не ожидала услышать. Потому что именно такой я боялась стать. Но не смогла избежать этой участи.

Глава четвертая

Клара

Наверное, не следовало называть маму предсказуемой вчера вечером, потому что впервые за долгое время я не обнаруживаю еду на столе, собираясь в школу.

Надо извиниться, потому что я просто умираю с голоду.

Когда я выхожу в гостиную, она сидит там в пижаме и смотрит «Отчаянных домохозяек».

– А что на завтрак?

– Мне не хотелось сегодня готовить. Сделай себе тост.

Точно, обиделась.

Поправляя галстук, в комнату входит отец. На секунду он застывает, увидев маму на диване.

– Ты себя хорошо чувствуешь?

– Да, все в порядке. Просто не было желания готовить завтрак, – отвечает она, повернув к нам голову, но не меняя удобной позы.

Когда она возвращается к сериалу, мы с папой переглядываемся. Он приподнимает бровь, затем подходит к маме и быстро целует ее в лоб.

– Тогда до вечера. Люблю тебя!

– И я, – отвечает она.

Я следую за отцом на кухню, протягиваю ему тост и беру себе второй.

– Думаю, это я виновата.

– Что она не приготовила завтрак?

Я киваю:

– Вчера я умудрилась назвать ее предсказуемой.

– Да, это было не слишком-то вежливо с твоей стороны, – морщит нос отец.

– Я не имела в виду ничего плохого. Она сама попросила описать ее одним словом. И это определение первым пришло на ум.

– Ну... В каком-то смысле ты права... – Папа наливает кофе и облокачивается на стол, пребывая в задумчивости. – Она действительно придерживается определенного распорядка дня.

– Встает в шесть, готовит завтрак к семи...

– Ужин каждый вечер ровно в полвосьмого, – подхватывает отец.

– Меню по графику.

– Каждое утро в десять – тренажерный зал.

– Закупает продукты по понедельникам, – добавляю я.

– А по средам – стирка.

– Видишь? – оправдываюсь я. – Она и вправду предсказуемая. Это не оскорбление, просто констатация факта.

– Хотя, – протягивает отец, – как-то раз мы не застали ее, придя домой. Только нашли записку, что она уехала в казино с Дженни.

– Я помню. Мы еще обсуждали возможное похищение.

Причем говорили мы это вполне серьезно. Внезапная однодневная поездка без предварительного недельного планирования была так не похожа на ее обычное поведение, что мы позвонили им обеим, чтобы убедиться: послание действительно оставила мама.

Отец смеется и притягивает меня, чтобы обнять. Обожаю, когда он так делает. Его накрахмаленные белые рубашки всегда застегнуты на все пуговицы и очень приятны на ощупь, кажется, будто тебя обволакивает мягкое одеяло. От которого правда пахнет порошком и которое любит учить тебя жизни.

– Мне пора, – он отпускает меня и ерошит волосы. – Хорошего дня в школе.

– А тебе на работе.

Мы выходим из кухни и видим, что мама стоит перед телевизором и тычет в него пультом.

– Кабельное перестало работать.

– Наверняка дело в пульте, – комментирует папа.

– Или в работе канала, – добавляю я, забирая пульт у матери. Она вечно нажимает не ту кнопку и забывает, как вернуться к просмотру. Однако ни одна клавиша не реагирует, поэтому я выключаю питание.

Пока я стараюсь наладить трансляцию, в дом входит тетя Дженни.

– Тук-тук, – мелодично произносит она, распахивая дверь. Отец помогает ей внести кресло с Элайджей и огромную сумку с игрушками. Телевизор снова включен, однако ни один канал не показывает.

– Думаю, он сломан.

– О боже! – восклицает мать, словно провести время с ребенком без телевидения – самое страшное событие в мире.

Тетя Дженни вручает ей коробку с подгузниками и спрашивает:

– У вас до сих пор кабельное? Его же никто больше не смотрит.

У них с мамой всего год разницы, однако иногда складывается ощущение, что тетя Дженни мне скорее сестра, да и родители относятся к ней так же, воспитывая ничуть не меньше меня.

– Мы пытались ее переубедить, – объясняю я. – Но она настаивает.

– Мне неудобно смотреть кино на ноутбуке, – оправдывается мама.

– Нетфликс можно смотреть и на телевизоре, – предлагает папа.

– Зато Bravo нельзя. Мы оставляем кабельное! – упрямится она.

Из-за перепалки начинает болеть голова, поэтому я отхожу, вытаскиваю Элайджу из кресла и качаю, наслаждаясь этой возможностью, прежде чем отправиться в школу.

Я была так рада, что тетя Дженни ждет ребенка. Мне всегда хотелось иметь братика или сестренку, но родители не хотели заводить еще детей. Поэтому я хочу постоянно общаться с Элайджей, чтобы он любил меня больше всех.

– Дай мне тоже его подержать, – говорит отец, забирая мальчишку. Меня восхищает любовь отца к племяннику. Дает надежду, что они с мамой все же решатся на пополнение. В конце концов, еще не поздно. Ей всего тридцать четыре года. Нужно было вчера еще раз внести этот пункт на доску желаний.

Тетя Дженни вручает маме рукописные инструкции.

– Здесь время кормлений. А еще я указала, как правильно подогреть бутылочку с грудным молоком. И записала свой номер на случай, если у тебя разрядится телефон. И сотовый Джонаса.

– Я и раньше заботилась о младенце, знаешь ли, – комментирует мама.

– Да, но это было так давно, – отмахивается тетя. – С тех пор могло многое измениться. – Она подходит к моему отцу и целует Элайджу в лобик. – Пока, солнышко. Мамочка тебя любит.

Затем она направляется к выходу, поэтому я подхватываю рюкзак и спешу следом, желая поскорее кое-что обсудить. Но она замечает меня только возле машины.

– Миллер вчера от меня отписался в Инстаграме.

Тетя Дженни вздрагивает, не ожидая, что я рядом.

– Так быстро? – Она открывает дверцу и задумчиво придерживает ее. – Ты ничего не могла сказать, что его рассердило бы?

– Нет, мы не общались с тех пор, как я его подвезла. И я ничего не выкладывала в Инстаграм. И даже не комментировала его посты. Не понимаю, зачем подписываться всего на несколько часов?

– Правила поведения в социальных сетях такие запутанные.

– Как и поведение парней.

– Не такое уж оно и сложное, если сравнивать с девушками, – заявляет тетя. Затем склоняет к плечу голову в раздумьях. – Он тебе нравится?

– Сама не знаю, – не хочется обманывать ее. – Стараюсь не увлекаться, но он так отличается от остальных ребят в школе. Из всех сил старается меня игнорировать, постоянно ходит с чупа-чупсом и просто до странного мило ругается с дедушкой.

– Значит, он тебе нравится, потому что игнорирует тебя, ест чупа-чупсы и ругается со странным стариком? – резюмирует тетя Дженни с озабоченным выражением лица. – Довольно необычный набор, Клара.

– А еще он симпатичный, – пожимаю я плечами. – И собирается поступать в университет на кинематографический факультет. Это у нас общее.

– Уже лучше. Но, похоже, ты его не особенно хорошо знаешь. На твоём месте я бы не стала воспринимать его поступок слишком близко к сердцу.

– Понимаю, – со стоном признаю я, скрещивая руки на груди. – Это вообще все так глупо. Он отписался и испортил мне настроение, а ведь сейчас всего семь утра.

– Может, его девушка узнала, что он на тебя подписался, и это ей не понравилось? – предлагает тетя другой вариант.

Какое-то время я обдумываю это предположение, но мысль о том, что Миллер обсуждает меня со своей девушкой, мне нравится еще меньше.

В это время из дома выходит отец, поэтому тетя Дженни быстро меня обнимает и садится в машину, так как она заблокировала наши. Я забираюсь в свой автомобиль и отправляю сообщение Лекси, дожидаясь, пока тетя отъедет.

Надеюсь, ты получила вчера смс, что сегодня я буду на полчаса раньше.

Ты не ответила.

Это послание она тоже игнорирует. Я уже подъезжаю к ее дому и собираюсь звонить, когда вижу подругу. Она, спотыкаясь, вываливается из входной двери, рюкзак висит на локте согнутой руки, пока свободной она пытается натянуть туфли. Лекси садится в машину с непричесанными волосами и плохо нанесенной тушью, словно побывала в урагане, и захлопывает дверь. Затем ставит на пол рюкзак и достает косметичку.

– Ты что, только встала?

– Да, четыре минуты назад, когда пришло твое сообщение. Прости.

– И как прошло твое Тиндер-свидание? – саркастически интересуюсь я.

Лекси только смеется в ответ.

– Неужели твои родные верят моим рассказам?

– Ну, ты же заливаешь об этом каждый раз, как приходишь к нам. Конечно, они тебе верят.

– Я слишком много работаю. Поэтому время остается только на то, чтобы сходить в школу и на работу. Еще принять душ, если очень повезет. – Подруга открывает косметичку. – Кстати, ты слышала новость про Миллера и Шелби?

– Нет. – Моя голова против воли поворачивается к ней. – А что за новость?

– Можешь пару секунд постоять? – Лекси начинает наносить тушь, когда я торможу на стоп-сигнале. Я с нетерпением жду, когда она закончит и приступит к сплетням. Так странно, что первое, о чем она заговорила, было единственным, о чем я думала со вчерашнего дня.

– Так что там с Миллером и Шелби?

Подруга молчит, поднося кисточку к глазу, поэтому я нетерпеливо переспрашиваю:

– Лекси, что произошло?

– Да тише ты, – шипит она, убирая тушь. – Дай мне пару минут привести себя в порядок. – Жестом приказав двигаться дальше и достав губную помаду, она в конце концов снисходит до ответа: – Они вчера вечером расстались.

Мне кажется, приятнее слов я никогда еще не слышала.

– Откуда ты знаешь?

– Мне рассказала Эмили, а ей позвонила Шелби.

– А почему они разошлись? – Я стараюсь выглядеть незаинтересованно. Из всех сил стараюсь.

– Очевидно, из-за тебя.

– Из-за меня? – Я оглядываюсь на дорогу. – Что за глупости? Я всего лишь подвезла его до дома. Он сидел в моей машине максимум три минуты.

– А Шелби думает, Миллер ей изменил. С тобой.

– А мне кажется, у нее просто крышу от ревности снесло.

– Это правда, что ты всего лишь его подбросила? – уточняет Лекси.

– Да, это была абсолютно ничего не значащая поездка.

– Он тебе нравится? – вдруг спрашивает подруга.

– Нет. Конечно же, нет. Он просто невыносим.

– Неправда. Очень милый парень. Даже раздражает иногда.

Она права. Миллер со всеми умеет найти общий язык. Невыносимым он становится, только когда дело касается меня.

– Странно, что отец его считает настолько плохим человеком.

– Я не скажу, что это удивительно, – пожимает Лекси плечами. – Я ему тоже не нравлюсь, а уж ты-то в курсе, что я – потрясающая.

– Ты ему очень даже симпатична, – возражаю я. – Он дразнит только дорогих ему людей.

– Может, Миллер тоже так поступает? – выдвигает предположение подруга. – Игнорирует тех, кто ему безразличен?

Я пропускаю ее комментарий мимо ушей. Тогда Лекси возвращается к макияжу. Мысли так и несутся вскачь. *Неужели они на самом деле поссорились из-за той дурацкой поездки?*

Скорее всего, имело значение сочетание обстоятельств: того, что я ему помогла, и того, что он подписался на меня в Инстаграме. Вероятно, именно поэтому-то он и отписался. Будет умолять ее вернуться.

– Как думаешь, они насовсем расстались?

– А тебе-то какая разница? Ты вроде говорила, что это была ничего не значащая поездка.

* * *

Джонас заставляет называть его «мистер Салливан», когда мы в школе. Думаю, ему бы понравилось, обращайся я к нему «дядя Джонас» после уроков, но пока я не узнала его ближе, буду придерживаться просто имени. Несмотря на то что у них с тетей Дженни есть ребенок, я

еще не готова вручить этот семейный титул малознакомому мужчине. Может, после того как они поженятся... Я знаю о нем только то, что рассказывали родители: в старших классах он разбил сердце тете Дженни и переехал в другой город безо всяких объяснений. Я никогда не уточняла, почему они расстались. Раньше было не особо интересно, а вот теперь очень даже любопытно.

Когда я вхожу, Джонас сидит за письменным столом и проверяет контрольные.

– Доброе утро, – здороваюсь я.

– Доброе утро, – отвечается он. Первое занятие у нас как раз с мистером Салливаном, так что я ставлю рюкзак на свое обычное место, но затем подхожу и сажусь прямо напротив него.

– Дженни завезла Элайджу к твоей маме? – не поднимая глаз, спрашивает Джонас.

– Ага. Он такой ангелочек.

– Так и есть. Вылитый отец.

– Ха! Вот уж неправда! Он выглядит точь-в-точь как я! – поправляю я.

Джонас складывает листы в стопку и убирает в сторону. До того как мы погрузимся в обсуждение кинематографического проекта для университетской лиги, я решаю утолить свое любопытство:

– А почему вы расстались с тетей Дженни в школе?

Джонас моментально вскидывает голову и удивленно приподнимает брови. Затем издает нервный смешок, по всей видимости, не желая отвечать.

– Даже не помню. Это было очень давно.

– Мама так разозлилась, когда тетя Дженни забеременела.

– Она имела на это право. Мы поступили очень опрометчиво.

– С ее стороны это немного лицемерно, ведь меня она родила в семнадцать.

– Это не лицемерие, если действие, против которого возражаешь, происходит до возражения, – пожимает плечами Джонас.

– Как бы там ни было.

– Я имел в виду, что люди обычно учатся на своих ошибках, и это не делает их лицемерами. Просто добавляет им опыта.

– Вас разве в университете не учили, что жизненные мудрости лучше изрекать после начала занятий?

– Ты так напоминаешь свою мать, когда она была подростком. – Мистер Салливан откидывается на спинку стула с удивлением во взгляде.

– О боже мой!

– Это был комплимент.

– Что-то не верится.

– Ты бы удивилась, узнав, какой она была.

– Хватит меня оскорблять.

Джонас хохочет, но это было шуткой лишь наполовину. Я люблю маму, но не хотела бы стать такой, как она.

Отсмеявшись, учитель протягивает мне одну из двух папок со стола.

– Пожалуйста, заполни бланк, даже если не станешь участвовать. Если ты займешь в проекте призовое место, это будет отлично смотреться в заявлении на поступление в школу актерского мастерства. Не говоря о том, что останется видеоматериал, который можно использовать в портфолио.

Я открываю папку и проглядываю бумаги.

– И кто же второй несчастный, не сумевший найти партнера?

– Миллер Адамс. – Стоит Джонасу произнести это имя, как я немедленно поднимаю глаза от документов. Он тем временем продолжает: – Когда вы упомянули про него вчера, мне вспомнилось, что этот парнишка был среди победителей прошлого года. Значит, у него уже

есть нужный опыт. Однако когда я спросил, не собирается ли он участвовать снова, Адамс отказался. Сказал, что у него голова сейчас другим занята, да и работы потребуется слишком много. Возможно, если ты согласишься, он передумает?

Обманывать не стану: втайне я надеялась, что мистер Салливан имел в виду именно Миллера, особенно после того, как я узнала о его интересе к режиссуре. *Но ужасно Джонас не слышал, что говорилось за ужином?*

– Почему вы пытаетесь поставить нас на один проект после папиного предупреждения?

– Я учитель, а не сваха и не пытаюсь вас свести. Просто Миллер стал бы идеальным напарником. Кроме того, он хороший парень. Твой отец просто его не знает.

– В любом случае мне четко обрисовали границы. – *Которые я не собираюсь соблюдать*, как уже становится ясно.

– Я помню. – Джонас задумчиво смотрит на меня несколько секунд, затем складывает руки на столе. – Слушай, это всего лишь предложение. Мне кажется, что участие в проекте пошло бы тебе на пользу, но если Крис против, я не имею права вмешиваться. Хотя... тебе не требуется разрешение родителей для подачи заявки. Только при сдаче работы через несколько месяцев.

Я почти прихожу в восторг от поощрения Джонаса послушаться родителей. Может, они с тетей Дженни и правда друг другу подходят.

В этот момент открывается дверь и в класс входит Миллер Адамс. Спасибо хоть за предупреждение.

Первое, что обращает на себя внимание, – его опухшие, покрасневшие глаза. Похоже, сегодня он совсем не спал. Рубашка мятая, на голове – полный беспорядок.

Миллер поочередно смотрит на нас с Джонасом. По-прежнему стоя возле двери, он указывает на меня и спрашивает:

– Так вы с ней хотели поставить меня в пару? – Тот кивает, очевидно изумленный реакцией ученика. Меня же она совершенно не удивляет: я давно привыкла, что парень не желает иметь со мной абсолютно ничего общего. – Простите, но ничего не выйдет, – произносит он, затем смотрит на меня и добавляет: – Не обижайся, Клара. Думаю, ты понимаешь, почему.

– После того как ты отписался от меня, я догадалась, что дружить ты расхотел. – Причиной этого, предположительно, послужила его подружка.

– Если верить Шелби, то я и подписываться не должен был. – Миллер проходит в класс, швыряет рюкзак на парту и садится.

– Если девушка разрывает отношения, потому что ее парня подвезли в стоградусную жару, то у нее явно проблемы, – со смехом говорю я.

– Она порвала со мной, потому что я ей о тебе соврал.

– Ага. Потому что знал: она может тебя бросить, не сделай ты этого. Итог – круговорот лжи.

Джонас вмешивается в наш оживленный диалог, наклоняясь вперед и переводя взгляд с одного на другого. В какой-то момент он встает, громко отодвинув стул.

– Мне нужно выпить кофе. – Он бросает вторую папку на стол Миллера и направляется к двери. – Вы двое разберитесь между собой и к концу дня дайте знать, что решили.

Учитель выходит из класса, оставив нас наедине. Мы испепеляем друг друга взглядами. Он первым сдается и начинает пристально изучать документы.

Мне жаль, что Джонас вызвал его так рано. Адамсу не мешало бы поспать. Он выглядит, словно его переехал грузовик. Заметно, что ссора с Шелби больно по нему ударила.

– Выглядишь разбитым, – замечаю я.

– Так и есть.

– Ну, не все потеряно. Разбитое сердце закаляет характер.

Мои слова заставляют его рассмеяться, хоть и горько. Миллер закрывает папку и смотрит прямо на меня.

– Если Шелби узнает, что я работаю над проектом с тобой, она никогда меня не простит.

– Значит, ты согласен?

Теперь Адамс не смеется. Он словно расстроен, что я отпускаю шуточки насчет его горя. Очевидно, у него нет настроения поддерживать перепалку. Честно говоря, я не могу винить Шелби за ее поступок. Я бы тоже бросила парня, если бы тот соврал, что его подвезла другая девушка, а затем подписался на нее в Инстаграме.

– Мне жаль, Миллер. Уверена, Шелби – замечательная. Если я могу хоть чем-то помочь, например, рассказать, как все было, дай мне знать.

Он благодарно улыбается, а потом встает и идет к выходу. Папка остается лежать на столе.

– Но тебе все равно стоит попробовать.

Я киваю, но без партнера участвовать не собираюсь. Несколько волнительных секунд я надеялась, что смогу поработать с Миллером над фильмом. Все остальные варианты теперь покажутся менее привлекательными.

Спустя мгновение парень скрывается из виду.

Я рассеянно смотрю на оставленные им бумаги. Затем хватаю их и заполняю бланк от его имени. Никогда не знаешь, как сложатся обстоятельства. Может, они с Шелби и не сойдутся. Будет обидно упустить такую возможность из-за ревнивой подружки.

Как раз когда я заканчиваю подписывать вторую заявку, Джонас возвращается с двумя стаканчиками кофе. Он вручает мне один и опирается на стол. Сколько мы уже общаемся, а он все не сообразит, что я ненавижу кофе. Именно поэтому я пока и не называю его дядей Джонасом.

– О чем был спор? – интересуется он.

– Его девушка меня ненавидит. Вернее... бывшая девушка. – Я из вежливости отпиваю глоток отвратительного напитка.

– Тогда ничто больше не мешает ему участвовать в проекте, так?

– У него другое мнение, – со смешком говорю я и протягиваю папки. – Я заполнила их за нас обоих, на всякий случай. Если Миллер передумает, мы сможем участвовать, раз заявки поданы в срок.

– Мне нравится твоя предусмотрительность, – одобрительно кивает Джонас. Он ставит стакан на стол и берет кусок мела. Пока он пишет на доске сегодняшнюю дату, входят двое одноклассников.

Я возвращаюсь на свое место. Когда помещение начинает заполняться, мистер Салливан оборачивается и указывает на кофе в моей руке:

– Клара, учащимся нельзя приносить напитки. В следующий раз за подобный проступок тебе будет назначено наказание.

Я закатываю глаза, но внутренне аплодирую его умению переключаться между режимами «дядя – учитель» так непринужденно, даже если это и делается напоказ.

– Хорошо, мистер Салливан, – насмешливо отвечаю я.

Я сминаю стаканчик, затем вытаскиваю телефон и пишу сообщение тете Дженни.

Я: Занята?

Тетя Дженни: Еду на работу.

Я: Тогда коротко. Две новости: папаша твоего сыночка – чересчур умный нахал. А еще, Миллер и Шелби расстались. Только не знаю, надолго ли.

Тетя Дженни: Почему? Из-за того, что ты его подвезла?

Я: Скорее всего, из-за его подписки на меня.

Тетя Дженни: Отлично! Теперь можно спокойно ходить на свидания с парнем, у которого странный дедушка.

Я: Я не говорила, что его дедушка странный. Только что их отношения до странного милы. А еще он пытается вернуть девушку, поэтому не думаю, что у меня есть шанс.

Тетя Дженни: Ну, тогда тебе не следует за ним гоняться. Никто не хочет быть на втором месте. Поверь мне.

Я: Говоришь по своему опыту? Я должна услышать всю историю. Вы поэтому разошлись с Джономасом?

Точки означают, что она набирает ответ, и я замираю в предвкушении подробностей подросткового романа, но затем точки исчезают.

Я: Я все тебе рассказываю. Ты просто не можешь сделать намек, а потом не сообщить деталей.

Я: Дженни?

Я: Тетя Дженни?

– Клара, немедленно отложи телефон.

Я бросаю мобильник в рюкзак с головокружительной скоростью. Не знаю, с кем изменяла тетя и кому, но если Джонас не в курсе, то прочтение перед всем классом моей переписки ему уж точно не понравится.

Лучше позвоню Дженни во время обеденного перерыва и заставлю во всем признаться. Даже если дело касается мистера Салливана, я должна все узнать.

Глава пятая

Морган

Однажды я слышала выражение, что любой телефонный звонок может поставить нас на колени.

Только сегодня я понимаю, насколько оно верно. Дрожащим голосом я второй раз пытаюсь выдать вопрос:

– Он в порядке?

И бесконечные секунды провожу в ожидании, пока медсестра на другом конце провода подтвердит, что с Крисом все замечательно. Однако она молчит. Я чувствую, как сердце сжимается, его кто-то скручивает. Я могла бы согнуться пополам, чтобы унять страдания, но это не физическая боль, а неосызаемые муки, как от смертельного удара.

– Я не в курсе подробностей, – наконец произносит голос. – Знаю только, что его доставили в больницу несколько минут назад, так что приезжайте как можно быстрее.

Мне с трудом удастся прошептать согласие, прежде чем повесить трубку, но я уверена: будь прогноз оптимистичным, она бы сообщила.

Будь прогноз оптимистичным, Крис сам бы мне позвонил.

Я прижимаю к себе Элайджу, находясь в той же позе, в которой подняла телефон. Теперь я обнимаю мальчика еще крепче, по-прежнему стоя на коленях. Еще минуту я просто смотрю в одну точку, не поднимаясь с пола, но затем племянник ворчит, и этот звук возвращает меня к суровой реальности.

Я набираю Дженни, но попадаю на голосовую почту. Она сегодня первый день на работе, поэтому к телефону сможет подойти не раньше обеденного перерыва. Но новости в больнице расходятся быстро, поэтому она и сама скоро обо всем узнает.

Я начинаю искать номер Джонаса, пусть он приедет и заберет сына, но не нахожу в списке контактов. Тогда я торопливо вытаскиваю бумажку, которую Дженни вручила мне утром, и дрожащими пальцами ввожу цифры. Снова голосовая почта! *Он, должно быть, ведет урок.*

Я могла бы позвонить прямо в школу, чтобы они передали ему сообщение, но каждая потраченная секунда задерживает меня, не дает поехать к мужу. Поэтому я устраиваю Элайджу в кресле, пристегиваю, беру подгузники и выбегаю из дома.

Дорога промелькнула словно в тумане. Помню лишь, что шептала молитвы, отчаянно цепляясь за руль и поглядывая на сотовый, лежащий на соседнем кресле, в ожидании звонка от Дженни.

Кларе я решаю пока не говорить. Прежде чем обрушивать на нее новости, хочу убедиться, что с ее отцом все будет в порядке.

Если в больнице не уведомили Дженни о состоянии Криса, то я попрошу отправить ей сообщение на пейджер, как только доберусь туда. Тогда она сможет забрать Элайджу.

Пока же он побудет со мной. Я достаю малыша из машины и мчусь ко входу. Перед автоматическими раздвижными дверями приходится остановиться и подождать пару секунд, пока

они откроются. Как только я попадаю в зал ожидания, сразу направляюсь напрямиком к дежурной медсестре. Я ее не узнаю, наверное, новенькая. Раньше я старалась познакомиться с каждым коллегой Криса, так как хотела помочь супругу создать хорошее впечатление о нем на работе. Но сотрудники так часто менялись, что со временем я перестала успевать со всеми общаться.

– Где мой муж? – слова вылетают как пулеметная очередь, выдавая мою панику. Взгляд медсестры смягчается.

– А как зовут вашего мужа?

– Крис, – выговариваю я, стараясь отдышаться после забега. – Крис Грант. Он здесь работает. Мне сказали, что его недавно привезли.

Лицо девушки застывает, когда я называю имя.

– Давайте я позову того, кто сможет ответить на ваши вопросы. Я только недавно заступила на смену.

– А можете отправить сообщение на пейджер моей сестре? Она тоже здесь работает. Дженни Дэвидсон.

Медсестра кивает, но затем сразу убегает.

Я ставлю кресло с племянником на ближайший стул и еще раз набираю Дженни, затем Джонаса, но с прежним результатом.

Мне некогда ждать, пока новенькая сотрудница разберется со своими проблемами. Поэтому я звоню по больничному каналу и прошу соединить с родильным отделением. Они отвечают спустя самые мучительные тридцать секунд ожидания в моей жизни.

– Родильное отделение.

– Мне срочно нужно поговорить с Дженни Дэвидсон. Она работает у вас медсестрой. Вопрос неотложный.

– Пожалуйста, подождите на линии.

Элайджа начинает вопить, поэтому я перевожу телефон на громкую связь и кладу на стул, чтобы взять мальчика на руки. Я расхаживаю взад и вперед, укачивая малыша и ожидая, пока ответит Дженни либо вернется убежавшая медсестра, либо придет доктор, *ожидая, ожидая, ожидая...*

– Прошу прощения...

– Да! – Я хватаю трубку.

– Согласно графику Дженни будет на работе только с завтрашнего дня. Пока она находится в отпуске по уходу за ребенком.

Я раздраженно мотаю головой. Элайджа становится неуправляемым, чувствуя мою нервозность. Или он просто голоден.

– Да нет же! Она вышла сегодня утром.

– В графике указано, что ее смена начнется только завтра. – После короткого замешательства женщина на другом конце провода добавляет: – Я здесь весь день и ее не видела.

Прежде чем я начинаю с ней спорить, дверь в холл открывается и впускает бегущего Джонаса. Он замирает на месте, словно не ожидал увидеть меня. Я прерываю звонок и отбрасываю телефон на стул.

– Слава богу, ты здесь! – говорю я, вручая ему Элайджу. Затем роюсь в сумке и достаю пустышку. Как только она оказывается во рту племянника, я снова устремляюсь к стойке дежурной медсестры и трижды нажимаю на звонок.

– Что тебе сообщили? – спрашивает Джонас, подходя ко мне.

– Ничего! – гневно отвечаю я. – По телефону только сказали, что произошла автомобильная авария.

Я поднимаю взгляд на жениха сестры и замечаю, что он выглядит абсолютно потрясенным. Бледным. Разбитым. Никогда не видела его таким. На минуту мне становится его жаль

даже больше, чем себя, поэтому я забираю ребенка из его трясущихся рук. Джонас падает на кресло и обессиленно прислоняется к стене. Я же начинаю раздражаться. Крис – мой муж. Его друг должен заботиться обо мне, а не я о нем.

В зале ожидания никого нет. Элайджа нетерпеливо ерзает, поэтому я усаживаюсь на стул через три сиденья от Джонаса и достаю бутылочку. Молоко холодное, но пока и так сгодится. Малыш мгновенно успокаивается и начинает причмокивать.

Я вдыхаю его младенческий запах, прижимаюсь к его головке щекой и закрываю глаза. Надеюсь, это меня отвлечет и я не разрыдаюсь прямо здесь. Нутром, однако, я чувствую, что новости будут неутешительными. Если нас не пускают к Крису, возможно, ему делают операцию. Боже, пусть это окажется что-то совсем незначительное.

Мне нужна сестра. Не думаю, что Джонас в состоянии меня успокоить в такой ситуации. Наоборот, я бы предпочла, чтобы его вообще здесь не было. Дженни всегда умела позитивно смотреть на вещи, к тому же она сможет разузнать больше информации от персонала. Может, Джонас смог с ней связаться?

– Не знаешь, Дженни уже в курсе? Она скоро спустится? – Я поворачиваюсь к ее жениху, и он поднимает голову, однако на вопросы не отвечает, а просто хмуро смотрит на меня. – Я пыталась ей дозвониться, но в родильном отделении настаивают, что по графику она пока не работает.

Джонас лишь качает головой, не сводя с меня глаз.

– Ничего не понимаю, – произносит он.

– И я тоже! Я им сказала, что сестра должна заступить на смену сегодня, но они продолжают твердить свое.

– Почему ты пытаешься связаться с Дженни? – вставая с места, спрашивает Джонас. Его удивление заставляет меня нервничать еще сильнее.

– Она – моя сестра. Само собой, я хочу сообщить ей о Кресе.

– А что с Крисом? – хмурится Джонас.

Как это, что с Крисом?

Теперь уже я ничего не понимаю.

– В каком смысле? Мне позвонили из больницы и сказали, что он попал в аварию. Иначе зачем я здесь?

Джонас судорожно сглатывает, потирая руками лицо. Его глаза снова наполняются тревогой, хотя казалось, что больше уже некуда.

– Морган, – он делает шаг вперед, – я приехал сюда, так как мне сообщили, что *Дженни* попала в аварию.

Если бы я уже не сидела, то упала бы.

У меня нет слов. Я просто молча смотрю на жениха сестры и пытаюсь все осознать. Затем качаю головой, откашливаюсь и пытаюсь заговорить, но выходит лишь со второй попытки:

– Ты, наверное, не так понял. Они не могли оба...

– Жди здесь, – велит Джонас и торопливым шагом подходит к стойке. Пытается опять привлечь внимание, нажимая на звонок. Я же достаю телефон и набираю номер Дженни. Голосовая почта. Вбиваю контакт Криса. Может, произошел сбой в системе? Тоже автоответчик.

Здесь точно должна быть какая-то ошибка.

Когда спустя несколько минут к нам никто так и не подходит, Джонас несется напрямик в приемное отделение экстренной помощи. Там он подходит к одному врачу за другим, пока в зал ожидания не отправляют медсестру. Ее я узнаю. Это Сьерра. Наши дочери учатся вместе. Она по очереди смотрит на нас с Джонасом.

– Думаю, произошла какая-то ошибка, – нервно заявляет он.

Я немедленно подхожу к стойке, держа на руках Элайджу. Ног я не чувствую и даже не осознаю, как встала со стула и очутилась здесь.

– Кто попал в аварию? Кого доставили в больницу? – вопросы так и срываются с языка. – Моего мужа или сестру?

Сьерра поворачивается ко мне, затем косится на Джонаса и в конце концов опускает взгляд на бумаги перед собой.

– Давай я приведу того, кто сможет тебе помочь, Морган.

– Черт побери! – Джонас изо всех сил бьет по стулу, когда медсестра уходит.

Я начинаю понимать, что нас намеренно избегают, и это пугает до смерти. Никто не хочет сообщать плохие новости.

– Они не могут оба пострадать, – шепчу я. – Просто не могут.

– Однозначно, случилась какая-то путаница, – произносит Джонас. Его голос спокоен и звучит так уверенно, что я готова ему верить. Однако сразу после этих слов он закрывает глаза рукой и опирается на стену, словно ноги больше не держат. – Кто с тобой связался? Что они сказали?

– Звонили из больницы. Минут двадцать назад. Они четко назвали имя Криса. Про Дженни речи не было.

– То же самое, только сообщили о Дженни.

В это мгновение мы замечаем Сьерру. На этот раз она выходит из дверей приемного отделения и подзывает нас.

– Идемте.

Однако ведет она нас не в палату, а в еще один холл, поменьше и дальше по коридору, внутри отделения экстренной помощи.

Джонас забирает у меня сына, хотя я даже не замечаю, когда это произошло. Сьерра предлагает присесть, но никто из нас не следует ее указаниям.

– Информация об их состоянии пока отсутствует.

– Значит, все-таки пострадали оба, – уточняет Джонас, – Крис и Дженни?

Медсестра кивает.

– Боже мой, – шепчу я, затем закрываю лицо ладонями. По щекам льются слезы.

– Сочувствую, Морган, – произносит Сьерра. – Вы можете подождать здесь, а я сообщу, как только что-нибудь узнаю. – С этими словами она покидает нас и закрывает дверь.

Джонас опускается на стул рядом со мной.

Мы пробыли в отделении экстренной помощи всего десять минут, но они кажутся часами в отсутствие новостей.

– Может, у одного из них сломалась машина, – высказывает предположение жених Дженни. – Это бы объяснило, почему они были вместе.

Я киваю, но его голос едва долетает до моего сознания. Я не знаю, почему сестра и муж ехали на одном автомобиле. Не знаю, зачем она соврала, что работает сегодня. И мне все равно. Мне просто нужно знать, что с родными все в порядке.

Джонас укладывает спящего Элайджу в креслице и начинает мерить комнату шагами. Я смотрю невидящим взглядом на экран телефона. Нужно кому-то позвонить, чтобы привезли Клару. Кому-нибудь из моих подруг. Или Лекси. Не хочу, чтобы дочь узнала об аварии от посторонних.

А еще необходимо связаться с родителями Криса.

Обязательно. Вот только чуть-чуть еще подожду. Надо убедиться, что с их сыном все будет хорошо. Они живут во Флориде и все равно ничего не могут сделать оттуда. Зачем лишний раз беспокоить пожилых людей?

Джонас звонит своей матери и спрашивает, не могла бы она забрать из больницы Элайджу. Прежде чем он вешает трубку, я привлекаю его внимание.

– А она не будет против подбросить сюда Клару?

Жених Дженни кивает и передает мою просьбу. Затем набирает номер школы и вручает мне телефон. Я объясняю администратору, что миссис Салливан заберет Клару с уроков.

Думаю, дочь будет удивлена, так как, несмотря на ее знакомство с матерью Джонаса, это странный выбор взрослого для сопровождения. Но мне не хочется, чтобы Клара вела машину сама. Справиться с тревогой и паникой не так-то просто, а она совсем недавно получила права.

Проходит еще несколько минут. Джонас пытается дозвониться до полицейского участка и разузнать про аварию больше. Однако там не сообщают особых подробностей. Только марку автомобиля. Это была «Тойота Хайлендер», принадлежащая Дженни. За рулем находился мужчина. И на этом все.

– Почему Крис вел ее машину? – недоумевает Джонас. Я воспринимаю это как риторический вопрос, но он продолжает бормотать: – И почему она солгала насчет работы?

Я невидящим взглядом продолжаю гипнотизировать телефон, словно жду, что позвонят муж и сестра и сообщат: с ними все хорошо.

– Морган, – привлекает мое внимание Джонас. Однако мне совершенно не хочется на него сейчас смотреть. – Как думаешь, у них был...

– Не произноси этого, – выплевываю я. Не желаю ничего слышать. Или думать о подобном. Это просто глупо. Немыслимо.

Я подскакиваю и принимаюсь ходить по другой стороне зала ожидания. Любой звук приводит меня в бешенство. Пиканье, доносящееся из коридора. Стук клавиш, когда Джонас набирает сообщения Крису и Дженни. Громкоговоритель, объявляющий имена медсестер и докторов. Поскрипывание обуви по деревянному полу помещения. Эта какофония меня раздражает и в то же время позволяет отвлечься от тяжелых мыслей. Не собираюсь строить предположения относительно причин, по которым Дженни и Крис были вместе.

– Скоро придет Клара. И моя мать, – произносит Джонас. – Нужно будет как-то все им объяснить.

– Зачем? Уверена, ситуация объясняется общим местом работы.

Джонас смотрит в пол, но я ясно вижу сомнение на его лице. Беспокойство. Страх.

Я вытираю слезы и киваю, соглашаясь с ним. Несмотря на желание верить в лучшее, дочери понадобятся ответы. И нужно будет поведать ей все подробности, иначе она может прийти к тем же выводам, что и Джонас. Сказать, что мы не знаем причины, по которой ее отец и тетя оказались вместе, – не вариант. Иначе Клара начнет подозревать худшее.

– Можно сообщить, что Дженни подвозила Крису до работы, – предлагаю я. – По крайней мере, пока они сами не объяснят, что произошло.

Мы встречаемся взглядами. С тех пор как мы очутились здесь, я практически не смотрела на него. Джонас кивает, поджав губы. Наш молчаливый диалог что-то во мне переворачивает.

Словно почувствовав, что я сейчас рухну... сломаюсь... исчезну, он делает шаг и притягивает меня в утешающем объятии. Я прижимаюсь к нему изо всех сил, закрыв глаза и сходя с ума от ужаса, когда дверь в зал ожидания распахивается.

Мы отшатываемся друг от друга. Джонас выходит навстречу прибывшим. Я же, наоборот, отступаю назад, увидев доктора. Он начинает что-то говорить, но его слова сливаются в сплошной шум, не имеющий смысла. Однако я вижу, каким сожалением наполнены его глаза. Как опускаются уголки его губ. Как сострадательны его жесты. И понимаю вердикт.

Когда доктор произносит, что ничего нельзя было сделать, Джонас падает на стул.

Я же просто... падаю.

Глава шестая

Клара

Когда я была чуть младше, то коллекционировала снежные шары. Я ставила их на полку в спальне и время от времени встряхивала все подряд, а затем садилась на кровать и наблюдала за кружением белых хлопьев и блесков под стеклом.

Конечно, буря утихала, и обитатели полок возвращались в привычное состояние.

Мне сувениры нравились, потому что напоминали саму жизнь. Иногда может казаться, что все пришло в движение и мир перевернулся с ног на голову, но стоит лишь немного подождать, и все успокаивается. Мне нравилось думать, что любой ураган рано или поздно кончается.

События предыдущей недели доказали, что этот шторм так просто не уляжется. Иногда повреждения слишком велики, чтобы от них можно было оправиться.

Последние пять дней с тех пор, как миссис Салливан забрала меня из школы и отвезла в больницу, я ощущаю себя словно внутри одного из снежных шаров, который кто-то хорошенько встряхнул, а затем и вовсе уронил на пол. Я чувствую, что жизнь разбилась на тысячу осколков и кусочки меня выпали на чей-то грязный деревянный пол.

Внутри меня что-то безнадежно сломалось.

И мне некого винить в произошедшем, кроме себя самой.

Есть что-то нечестное в том, как одно событие... одна секунда... могут потрясти твой мир до самого основания. Смести все на пути. Разрушить все счастливые моменты, которые привели к катастрофическому финалу.

Все вокруг ходят будто воды в рот набрали. Горестно молчаливые.

Мама постоянно интересуется, в порядке ли я, но я могу лишь кивать в ответ. Если не считать этого дурацкого вопроса, она и сама постоянно молчит. Все вокруг кажется кошмарным сном, когда не можешь есть, пить или говорить. Кошмаром, от которого хочется кричать, но из пустой груди не доносится ни звука.

Я нечасто плачу. Думаю, этим я пошла в маму. В больнице мы не сдерживали слез, впрочем, как и Джонас с миссис Салливан. Но когда мы поехали в морг, мама превратилась в уравновешенную и собранную женщину, которую и хотели видеть люди. Она умеет держать лицо на публике, а рыдает уже в спальне. Я это знаю, потому что и сама такая.

Родители отца прилетели из Флориды три дня назад. Они остановились у нас. Бабушка помогает по дому, за что я ей очень признательна. Маме и так приходится нелегко с организацией похорон не только мужа, но и сестры.

Погребение тети Дженни состоялось вчера. Папу мы хороним сегодня.

Мама настояла на отдельных церемониях, что привело меня в ярость. Никто не хочет проходить через подобное дважды. Даже мертвые.

Не знаю, что выматывает больше – дни или ночи.

С момента аварии дверь в нашем доме просто не закрывается. Люди приносят еду, выражают соболезнования, заглядывают проведать. В основном это коллеги папы и тети Дженни из больницы.

Ночи же я провожу, уткнувшись лицом в заплаканную подушку.

Я знаю, мама хочет, чтобы все поскорее закончилось и бабушка с бабушкой вернулись домой.

Я сама хочу вернуться домой.

Во время службы я держу Элайджу. Я вообще практически не выпускаю его из рук. Не понимаю, почему. Может, новая жизнь приносит мне утешение среди всех этих смертей.

Он начинает беспокойно ерзать. Малыш точно не голоден – мама Джонатана недавно его покормила. И подгузник я поменяла прямо перед церемонией. Возможно, ребенку не нравится шум. Священник, проводящий службу, похоже, не знает, как держать микрофон. Он постоянно задевает его губами, а еще постоянно отходит к колонкам, отчего те издают противный звук.

Когда Элайджа начинает плакать в полный голос, я бросаю взгляд на пустое место Джонаса в конце прохода, хотя совсем недавно я его видела. К счастью, я сижу возле стены на самом краю скамьи, что дает мне возможность незаметно покинуть церковь без необходимости пробираться по центру зала. Похороны в любом случае уже подходят к концу. После речи священника все собравшиеся пройдут мимо гроба, и на этом церемония будет завершена.

Я и так уже виделась с большинством гостей на погребении тети Дженни. И снова принимать соболезнования мне совершенно не хочется. Отчасти поэтому я и настояла, что буду держать Элайджу. Занятые ребенком руки предоставили мне возможность избежать объятий.

Выйдя из часовни, я забираю в фойе коляску, кладу туда малыша и иду по дорожке. По иронии судьбы, день сегодня просто изумительный. Солнце согревает кожу, но это не приносит удовольствия. Ничто больше не радует меня. Папе нравилась такая погода. Однажды он позвонил на работу и притворился больным, а затем взял меня на рыбалку просто потому, что была замечательная погода.

– Он в порядке?

Я поворачиваю голову влево и вижу Джонаса, который стоит, опираясь на здание в тени. Он отгалкивается от кирпичной кладки и подходит ближе. Мне кажется странным, что он не там, не внутри, ведь хоронят его лучшего друга. Почему он не на церемонии?

Обсуждать это совсем не хочется. В конце концов, я же тоже не в церкви.

– Элайджа плакал, поэтому решила с ним погулять.

Джонас кладет ладонь на головку сына и проводит пальцем по маленькому лобику.

– Если хочешь, можешь вернуться. Я отвезу его домой.

Я слегка завидую, что он собирается покинуть это место. Сама бы не отказалась так поступить.

Идти обратно нет никакого желания, поэтому я просто сажусь на скамью перед часовней и наблюдаю, как Элайджа с отцом удаляются на парковку. Поставив кресло с сыном в машину и погрузив коляску в багажник, Джонас машет мне на прощание рукой и забирается на водительское место.

Я машу в ответ, наверняка не сумев скрыть сочувственное выражение лица. Малышу и двух месяцев еще не исполнилось, а теперь моему несостоявшемуся дяде придется растить сына в одиночку.

И братик даже не будет помнить, какой была его мама.

Наверное, следует записать любимые воспоминания о тете Дженни, прежде чем они начнут забываться.

Эта мысль вызывает новый приступ боли. Неужели я действительно однажды смогу забыть их? Конечно, это произойдет спустя время, но произойдет непременно. Воспоминания про то, как отец фальшиво насвистывал припевы песен Джона Денвера, подстригая газон,

однажды поблекнут. Начнет стираться из памяти, как тетя Дженни подмигивала всякий раз, заслышав командные нотки в мамином голосе. Исчезнут кофейный запах отца и медовый – тети и, что хуже, звучание их голосов и черты их лиц.

На щеку падает одна слеза, затем другая. Я ложусь на скамью, прижимая ноги к груди. Затем закрываю глаза и стараюсь отогнать преследующее меня чувство вины. Но оно никуда не исчезает, лишь окутывает меня сильнее и высасывает последний воздух из легких. С той самой секунды, как я узнала об аварии, стало очевидно, кто стал ее причиной.

Я писала тете Дженни.

Сначала она отвечала, а потом... резко перестала. Больше я не получила от нее ни словечка, а спустя пару часов услышала про автокатастрофу.

Хотелось бы думать, что я здесь ни при чем, но тетя Дженни ясно дала понять, что находится за рулем, когда я отправила первое сообщение. Нужно было подумать, что ей не следует отвлекаться от дороги, но меня заботили только собственные проблемы.

Я задумываюсь: а знает ли мама, что именно я виновата в случившемся? Если бы я подождала, пока тетя не доберется до работы, матери не пришлось бы хоронить сестру и мужа. Ей бы не пришлось прощаться сразу с двумя самыми дорогими людьми.

Джонас не потерял бы Дженни, а Элайджа – свою маму.

А в моей жизни до сих пор присутствовал бы единственный мужчина, которого я когда-либо любила, – мой отец.

Интересно, полиция обнаружила тетин телефон? Установила, что она отвечала на сообщения за рулем? Если мама узнает о моем ужасном поступке, это еще сильнее ранит ее.

Понимание того, что все пролитые слезы – моя вина, и удерживает меня вдали от церемонии.

– Привет.

Я широко распахиваю глаза, услышав этот голос. Рядом стоит Миллер, засунув руки в карманы брюк. Я сажусь прямо и расправляю складки платья, чтобы прикрыть бедра. Не ожидала его здесь увидеть. Тем более – облаченного в костюм. Черный. Я ужасно себя чувствую оттого, что, даже испытывая глубокое горе, могу ощущать прилив возбуждения в его присутствии. Я утираю ладонью слезы.

– Привет.

– Хотел узнать, как у тебя дела. – Он оглядывается вокруг, поджав губы и явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Дела у меня идут паршиво. Совсем паршиво. Я открываю рот, чтобы так и ответить, но вырываются совсем другие слова:

– Не хочу здесь находиться.

Я не пыталась заставить его забрать меня отсюда. Просто констатировала свои чувства в данный момент. Однако Миллер кивает в сторону парковки:

– Тогда пошли.

* * *

Он ведет старый голубой пикап, который я заметила тогда у его дома. Даже не знаю марки автомобиля, но его цвет напоминает оттенок неба над головой сейчас. Стекла в машине опущены, что подсказывает: кондиционер не работает. Либо просто хозяину нравится так ездить. Я собираю волосы в пучок, чтобы они не развевались на сквозняке и не лезли постоянно в лицо. Заправляю выбившиеся пряди за уши и кладу подбородок на руки, рассматривая проносящийся мимо пейзаж.

Я не спрашиваю, куда мы направляемся, потому что мне все равно. Просто чувствую, как с каждой милей напряжение в груди ослабевает.

Играет музыка, и я прошу Миллера прибавить звук. Никогда раньше не слышала эту песню, но она красивая и отвлекает от тяжелых мыслей. Голос певца мягкий и приятный, словно повязка на ране. Когда трек затихает, я прошу включить его снова.

– Не получится, – отвечает парень, – это радио. Пикап слишком старый, чтобы в нем был плеер.

– А что это была за песня?

– «Dark Four Doog» Билли Раффула.

– Мне понравилась. – Я снова отворачиваюсь к окну, думая о песне. Мне нравятся музыкальные предпочтения Адамса. Хотелось бы проводить так все время. Целыми днями мчаться по дороге под звуки грустных аккордов с Миллером в качестве водителя. Не знаю почему, но печальные композиции заставляют чувствовать себя лучше. И чем надрывней мелодия, тем лучше я себя ощущаю. Есть что-то одурманивающее в душераздирающих нотах, сродни наркотикам, как мне кажется. По-настоящему вредные, но дающие возможность забыться.

Я не знаю, правильное ли подобрала сравнение, потому что никогда не была под кайфом. Сложно бунтовать, когда за тобой присматривают сразу двое чрезмерно опекающих родителей, которые стараются оградить тебя от их же собственных ошибок.

– Ты не голодна? – спрашивает Миллер. – Или, может, пить хочешь?

– Нет, – отвечаю я, поворачиваясь к нему. – Хотя, думаю, я хочу накуриться.

– Ну да, конечно, – слегка улыбается он, переводя на меня взгляд.

– Я серьезно! – настаиваю я, выпрямляясь. – Я никогда раньше не пробовала ничего подобного, а сейчас мне просто необходимо отвлечься. У тебя нет травки?

– Нет, – хмурится водитель. Я разочарованно оседаю. – Но знаю, где можно достать.

* * *

Спустя десять минут он сворачивает к кинотеатру и просит подождать в машине. Часть меня хочет его остановить и сказать, что это плохая затея. Но другой половине любопытно, поможет ли это справиться с горем. Сейчас я готова согласиться на что угодно, лишь бы унять боль.

Миллер заходит в здание буквально на минуту и почти сразу выходит вместе с парнем, выглядящим немногим старше нас. Лет двадцати максимум. Никогда раньше его не встречала. Они подходят к тачке незнакомца и производят быстрый обмен. Так просто? Эта внешняя простота заставляет нервничать. В Техасе марихуана не легализована, да и моему спутнику только семнадцать. Не говоря уже о том, что в этом пикапе-развалюхе стоит новенький регистратор. Я почти уверена, что на записи не виден момент передачи наркотиков, но если нас арестуют, полицейские первым делом обыщут автомобиль, посмотрят видео и выяснят, что травка предназначена мне.

К тому моменту, как Миллер забирается на водительское место, меня уже трясет от страха.

Он паркуется на стоянке кинотеатра таким образом, чтобы нам было видно всех подъезжающих, и вытаскивает пакетик. В нем лежит несколько готовых самокруток.

Автомобиль настолько древний, что в нем до сих пор есть прикуриватель. Мой напарник по преступлению включает прибор и вручает мне косяк. Я лишь молча смотрю на протянутую сигарету, а затем на Миллера.

– А ты его не подожжешь?

– Я не курю, – пожимает плечами парень.

– Но... ты знаком с дилером.

– Его зовут Стивен, – со смехом поясняет Адамс. – И он всего лишь коллега, а не дилер. Просто всегда таскает с собой травку.

– Вот блин. Не думала, что придется делать это самой. Никогда даже обычную сигарету не закуривала. – Меня осеняет мысль, и я достаю телефон. Затем открываю YouTube и ищу ролик, как зажечь самокрутку.

– Там есть такое обучающее видео? – с ужасом и весельем интересуется Миллер.

– Сама в шоке.

Видно, что эта мысль его забавляет. Он придвигается ближе, и мы смотрим инструкцию вместе.

– Ты уверена, что все еще хочешь этого? У тебя руки трясутся. – Мой сотовый плавно перекочевывает к нему.

– Будет невежливо передумать. Ты ведь уже заплатил.

Миллер продолжает держать телефон. Когда видео заканчивается, я вытаскиваю прикуриватель и неуверенно смотрю на него.

– Давай я попробую.

Я с облегчением передаю устройство парню, и он поджигает самокрутку, словно профессионал. Заставляет задуматься, не соврал ли он. Адамс делает одну затяжку и выдыхает дым в окно. Затем протягивает тлеющую сигарету мне, но меня сразу же одолевает приступ кашля. А еще я совершенно не изящно захлебываюсь слюной. Да, до Миллера мне далеко.

– Если ты никогда раньше не курил, почему у тебя так легко получилось?

– А я и не говорил, что вообще не пробовал, – ухмыляется он в ответ. – Просто никогда не поджигал косяки.

Я снова пытаюсь вдохнуть дым, но получается плохо.

– Просто отвратительно, – задыхаясь, прокашливаю я.

– Ага, съедобный вариант гораздо приятнее.

– Так почему ты не купил такой?

– У Стивена не было, и потом, наркотики – не моя тема.

Я держу сигарету между пальцев, поглядывая на нее и размышляя, каким образом я оказалась здесь, когда должна быть на отцовских похоронах. Наверное, травка и не моя тема тоже. Ощущения от нее неправильные.

– А что тогда – твое? – спрашиваю я у Миллера, глядя ему в глаза. Он откидывается на кресло, смеживает веки и обдумывает с минуту.

– Чай со льдом. И кукурузный хлеб. Да, люблю кукурузный хлеб.

Я заливаюсь смехом. Совсем не тот ответ, который ожидался. Я еще раз пытаюсь сделать затяжку. Если бы Лекси видела меня сейчас, то пришла бы в ужас.

Дерьмо... Лекси.

Я даже не предупредила, что ухожу с церемонии. Я опускаю взгляд на телефон, но посланный от подруги не было. Только одно от мамы, отправленное пятнадцать минут назад: «*Ты где?*»

Кладу мобильник экраном вниз. Если я не вижу сообщения, его не существует.

– А что насчет тебя? – интересуется Миллер. – Какая у тебя тема?

– Актерское мастерство. Но ты об этом уже знаешь.

– Когда ты спросила, то я думал, ты имеешь в виду что-то физическое, типа любимой еды, – соорил гримасу собеседник.

– Нет, я говорила в общем, – улыбаюсь я. – Что ты больше всего любишь? Без чего не представляешь свою жизнь? – Думаю, он сейчас скажет: «Шелби».

– Тогда фотография, – быстро выпаливает парень. – А еще видеосъемка и режиссура. Все, что подразумевает нахождение по другую сторону объектива. – Он вскидывает голову и ухмыляется. – Но ты об этом уже знаешь.

– Так вот зачем тебе регистратор, – указываю я на устройство. – Тебе всегда нужно снимать видео, даже во время вождения.

Он кивает.

– А еще у меня есть эта малышка. – Миллер открывает бардачок и достает GoPro. – У меня почти всегда есть какая-нибудь камера. На случай, если возникнет идеальный момент для съемки.

Думаю, он так же увлечен кино, как и я, только с другой точки зрения.

– Жаль, что твоя бывшая не позволит нам поработать над проектом. Из нас могла бы выйти отличная команда. – Я снова подношу самокрутку ко рту, хоть и ненавижу все это действие. – Долго еще ждать, пока все чувства погаснут?

– Эффект может выйти совсем другим. Может накрыть тревога или паранойя.

Я разочарованно смотрю на косяк.

– Вот блин! – Я оглядываю парковку в поисках места, где могу затушить окуроч, но не обнаруживаю подходящего. – Что дальше делать? Мне совсем не понравилось.

Миллер забирает окуроч и гасит кончиками пальцев. Затем выходит из машины, выбирает его в мусорный контейнер и возвращается на место.

Как галантно. Сначала он купил мне травку, а потом помог от нее избавиться.

Какой странный день. Эффекта от наркотиков я до сих пор не ощущаю. Пока по-прежнему больно дышать от накопившейся боли.

– Мы с Шелби снова вместе.

Я была не права, эффект есть. Начинаю чувствовать безразличие.

– Отстой, – комментирую я.

– Я бы так не сказал.

– Зато я говорю. – Я поворачиваю голову и красноречиво на него смотрю. – Полный отстой. Зачем ты вообще об этом завел речь?

– Я и не заводил, – поясняет Миллер. – Просто ты назвала ее моей бывшей, и я решил прояснить ситуацию.

Даже не знаю, зачем он оправдывается. Я наклоняю голову к плечу и с подозрением сужаю глаза.

– Думаешь, я на тебя запала? Поэтому ты постоянно сообщаем о своих отношениях, когда мы вместе?

– А ты резкая, – криво ухмыляется парень.

Я лишь смеюсь в ответ и быстро отворачиваюсь, опасаясь, как бы на смену веселью не пришли слезы. Это забавно. Грустно и смешно. Мама постоянно называла резким отца. Полагаю, яблочко недалеко упало от яблони.

Миллер, должно быть, думает, что обидел меня. Он наклоняется ближе, чтобы привлечь внимание.

– Я не имел в виду ничего плохого.

Взмахом руки я даю понять, что все в порядке.

– Ничего страшного. Ты прав – я резкая. Люблю спорить, даже когда знаю, что ошибаюсь. – Я поворачиваюсь к нему. – Хотя я работаю над собой. Начинаю понимать, что иногда нужно остановиться, чтобы победить. – Это мне однажды сказала тетя Дженни. Стараюсь вспоминать ее совет каждый раз, когда начинаю оправдываться.

Миллер тепло улыбается. От его доброты или под действием травки, но я чувствую, как головная боль из-за пятидневных слез начинает исчезать.

– Если вы с Шелби снова вместе, то почему ты утешаешь меня? Уверена, она бы против этого возражала.

– Если бы я тебя не навестил, то меня бы мучила совесть еще больше, чем сейчас. – Чувство вины теперь написано у него на лице. Он беспокойно кладет руки на руль и позволяет им соскользнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.